

ВСЕМИРНЫЕ

ОДЕССКІЯ НОВОСТИ

газета политическая, литературная, научная, общественная и коммерческая.

В клуб "Унионъ"
состоится

Концертъ Маріи Ивановны Долиной

ВЪЗДѢЛЪНОВОЙ БИРЖИ
Въ этомъ домѣ въ страдѣ

ГАЗЕТА ВСЕМИРНОГО КЛУБА
ОДЕССИТОВ

№ 4 (59)

Октябрь. 2005 год.

Михаил ЖВАНЕЦКИЙ Рождение юмора у моря

Они такие красивые Они рано становятся молодыми.
Сколько ты можешь идти сзади?
Нужно что-то сказать.
Ловко, быстро и остроумно.
Вот тут и рождается талант.
На главном инстинкте.
А солнца — вся жизнь!
А моря — вся жизнь!
А воды нет.
А смывать красоту не надо.
А пыльные.
А горячие.
А пахнут акацией, ковылем, полынью и ходьбой
по горячему асфальту.
А на чем они передвигаются?
Эти оборванные юбки.
Эти разорванные джинсы.
И из них медленно и плавно уходят вниз быстрые,
нежные, необыкновенной красоты...

А сверху какие-то майки, куски халатов,
обрывки парашютов, откуда идут глаза.
А чуть лизнешь. Незаметно.
Но обязательно, если состришь.
Соленое.
Состришь-лизнешь-замрешь.
И поцелуешь.
Поцелуй дороже.
Все остальное мельче, хуже и глупее.
Поцелуй главнее.
Ты что-то говоришь внутри поцелуя.
И ты идешь вперед внутри.
Поцелуй — это твоё завоевание.
Твое произведение.
В этом поцелуе всё море, всё лето
и желание сказать еще что-то, о чем сегодня
можно догадываться и когда-нибудь пожалеть.

В октябре

1990 года

был

зарегистрирован

Всемирный

клуб

одесситов.

Открытие клуба

состоялось

в Театре

музыкальной

В НОЧЬ

с 6 на 7 ноября

1990 года,

15 лет назад.

От Александра Маниовича из Германии во Всемирный клуб одесситов

При подготовке материала по Альбиному походу Александра Суворова мне из публикации работника Посольства России в Швейцарии Александра Новикова стало известно об одном интересном событии, связанном с прошедшей войной. На Пасху 1942 г. одному советскому военнопленному, бывшему студенту Одесского художественного училища Петру Билану удалось бежать из не-

мецкого концлагеря на берегу Рейна. Граница Рейха и Швейцарии проходила по реке, которая в этих краях не очень широкая. Билан переплыл ее. Вода была ледяной. Одесситов Билан познакомил в швейцарском лагере для беженцев-военнопленных. В 1944 г. его депортировали на родину, и впоследствии он успешно закончил учебу на живописца. В 1982 г. Петр Ильич Билан приезжал в Швейцарию и передал общине Андерматта, где находится Музей Суворова, выполненный им портрет генералиссимуса Суворова. Этот портрет и ныне в экспозиции музея. По имеющейся информации Петр Билан после войны жил либо в Киеве, либо в Одессе. Очень хо-

телось бы узнать о послевоенной судьбе художника.

А одесситам будет небезынтересно узнать, что и в Швейцарии есть Одесса. Но в отличие от американских, канадских и др. Одесс швейцарская Одесса связана именно с одесситами. Можно гордиться тем, что, даже не успев прописаться в основанном городе, новопоселенные одесситы пошли вместе с армией Суворова освобождать Европу от наполеоновской армии. Освободив от французов Милан, Турин и др. итальянские города, суворовская армия продолжила свою освободительную миссию в Швейцарии. И вот тогда, в 1799 г., у небольших поселков на швейцарском берегу Рейна появляются названия Москва, Петербург и Одесса.

От Федерики Визани из Парижа во Всемирный клуб одесситов

Здравствуйте,

Меня зовут Федерика, я вам пишу из Парижа. Пишу, во-первых, потому что люблю Одессу, во-вторых, потому что в Librairie du Globe, русском книжном магазине в Париже, мы организуем вечер, посвященный прекрасной Одессе и одесскому мифу. Вечер приурочен к выходу фильма франко-израильского режиссера Michale Boganim, "Одесса... Одесса". Для более подробной информации читайте, пожалуйста, приложенный к моему сообщению документ. Я обращаюсь к вам с надеждой, что у вас имеется контактная информация об одесситах, проживающих в Париже, или просто о людях, которые могли бы быть заинтересованы в нашем мероприятии. Я понимаю, что моя просьба вам, наверное, покажется весьма забавной и даже неуместной, но все-таки одесситов в мире так много! Я очень надеюсь на ваш ответ. С наилучшими пожеланиями, Федерика Визани

Вечер в Librairie du Globe приурочен к выходу во Франции фильма "Одесса... Одесса!" Михаль Боганим. Вас ждет дискуссия вокруг Одессы и ее мифа. Космополитический театр исчезнувшей империи, романтическая Вавилонская башня, свободный город, порто-франко, культурный центр и приют для преследуемых меньшинств, Одесса вызывает мечты и ностальгическое воспоминание о городе, "раздробленном" по всему миру вместе со своей диаспорой. Искусство выступает в роли хранителя мифа.

Перед началом вечера будет показан документальный фильм (в 18.30, продолжительность фильма 25 мин.) о художнице Анн Торубен и ее проекте "Из Одессы в Одессу". Алексей Юдин выступит с докладом об одесском мифе в литературе и фольклоре. Отрывки из фильма "Одесса... Одесса!" будут показаны и прокомментированы режиссером, Михаль Боганим.

Михаль Боганим, режиссер, родилась в Израиле, окончила Сорбонну, затем вернулась в Израиль, где специализировалась на истории и философии в Еврейском университете. Позже она обучалась в Высшей государственной кинематографической школе в Лондоне. Живет в Париже и в Тель-Авиве.

Анн Торубен, художница, окончила Национальную высшую школу изобразительных искусств в Париже, выставляется с 1989 г. Автор многочисленных выставок на Украине и во Франции, посвященных Одессе. Живет и работает в Париже.

Алексей Юдин, одессит, кандидат филологических наук, доцент кафедры славистики Тентского университета (Бельгия). Автор около 80 публикаций по проблемам лингвистики, дискурсивного анализа, фольклора и народной культуры восточных славян. С 2000 г. живет и работает в Тенте.

**Если вас интересует
жизнь Одессы и одесситов,
где бы они ни жили,
если вас интересует
творчество ваших земляков,
смотрите сайт
Всемирного клуба одесситов
www.odessitclub.org**

Люблю Одессу

Одесса, спасибо тебе, родная, за то, что ты есть, за то, что вот уже более двух веков процветаешь и становишься все лучше и лучше. Я прочитал пару сообщений гостевой книги и мне стало очень приятно, что люди, которые уехали из Одессы за рубежом, еще до сих пор помнят об этом замечательном городе. Могу поспорить, что каждого из нас хоть раз обвешивали на нашем знаменитом Привозе, что оттаптывали ноги в переполненном трамвае и т. д. и т. п. Одесса настолько знаменита, что про одесситов существует множество анекдотов и рассказов, Одесса родила многих знаменитых людей, которые с достоинством могут назвать себя одесситами. Туристы, которые проездом оказываются в Одессе и которых обкрадывают на железнодорожном вокзале, все равно уезжают отсюда с надеждой на то, что когда-нибудь они еще раз сюда приедут. Я веду к тому, что Одесса — это не просто город, это город с особой атмосферой, только у нас могут спросить у знакомого человека: — Как самочувствие? — на что тот ответит: — Не дожидается!

Так что, одесситы и одесситки, давайте объединяться, и огромное спасибо создателям Клуба одесситов, а также всем, кто помнит об Одессе.

С уважением,

Валер Valler rabaroki88@breezein.net

Просьба из Амстердама

Здравствуйте!

На Вашем сайте http://www.odessitclub.org/publications/almanc/alm_8_cont.htm упоминается среди авторов Яков Качур, которого мы разыскиваем несколько лет. Не могли бы помочь найти этого писателя?

Реплай, <http://volodimerova.dinky.net/>
Спасибо!

Larisa volodimerova@xs4all.nl

Юлия julya_d@mail.ru Поляки в Одессе

Здравствуйте!

Обращаюсь ко всем посетителям сайта!

Я студентка Одесского национального университета. Учусь на 4 курсе отделения социологии. Тема диплома — поляки как этническое меньшинство в Одессе. Помогите исследовать поляков. Надо заполнить анкету. Кого заинтересовало, напишите мне на e-mail, и я перешлю анкету. Заранее благодарна.

Роман

Rokur91@netzero.com

Разыскиваю друга молодости

Дорогой Костя Костанди или Оля, отзовитесь. По имеющимся у меня сведениям, вы поменяли жилье. Самый быстрый способ связаться — это электронная почта (интернет).

Мой телефон

1 386 447-8049

Роман.

От Федерики Визани из Парижа во Всемирный клуб одесситов

Уважаемый господин Толубовский!

Пишу вам, потому что думаю, вам будет приятно узнать, что наш "одесский" вечер прошел удачно. Народу было действительно много, и все проявило пламенный интерес к Одессе и к одесской проблематике. Одесса оказалась действительно темой, в чем, честно говоря, я не сомневалась! В начале вечера мы показали документальный фильм продолжительностью 25 мин. о парижской художнице Анн Торубен, которая несколько лет назад написала серию картин под названием "От Одессы до Одессы". Картины были выставлены во Франции, в Киеве и Одессе. Анн знакома с Еленой Каракиной и Анной Мисюк из Литмузея. Ее картины будут у нас выставлены до 30 сентября. После Анн Алексей Юдин выступил с рассказом об основании Одессы и о ее развитии в истории. Алеша мне говорил, что вы с ним, вроде, знакомы. Затем мы показали отрывки из фильма "Одесса... Одесса!" — с комментариями режиссера. Было очень весело. Михаил Обуховский не смог приехать, так как к тому времени был в отпуске, а Анатолий Контиш был, мы взяли на реализацию его книжки. А вчера я у него брала интервью на тему одесского юмора. Материал мне как раз очень пригодится для конференции "Миф, пословица, анекдот в системе русской культуры", которая состоится у нас в Сорбонне 6-8 октября. Более того, у нас в книжном магазине 7 октября мы проведем вечер "Анекдот под микроскопом науки", приуроченный к конференции, куда я пригласила и Анатолия. Так что, спасибо вам большое за вашу помощь и любезность.

С наилучшими пожеланиями,

Федерика

Александр ДОРОШЕНКО Новый рынок

Здесь стояла Сретенская церковь, построенная в 1842-1848 годах, и на церковной площади, как водится, возник рынок, названный Новым, а площадь стала — Новобазарной. В 1896 году по проекту А.Д. Тодорова по линии Торговой улицы были поставлены два громадных корпуса крытых рынков. Высоченные залы, металлические фермы и стеклянные потолки. Эти здания не соответствуют малой ширине Торговой и общей высоте окружающей застройки. Новый рынок, собственно, кипит за их спиной.

К рынку я иду по Коблевской или Садовой. Обе они в него упираются, и рынок виден издали, далеко брожением народа. Лежит Новый между Торговой и Конной, и первая принадлежит Городу, а вторая целиком рынку, являясь его продолжением. Само название Конной означает наличие здесь в прошлом конного рынка. Это память о присутствии благородной лошади в нашей жизни. Поэтому Конных рынков и площадей в Городе было много, а в одежде мужчины весь девятнадцатый век ощущался всадник. Справа квартал Княжеской (Баранова), а с левой стороны узкая улочка, превращенная в автобусную станцию. Она обслуживает частников — поставщиков товара.

Колоннады сохранились и поныне во многих местах давно исчезнувших Греческого и Старого базаров, и существующего Нового, в обрамлении их площадей. Часто арки заложены, превращая колонны в пилястры, уродуя здания пристройками и надстройками, но вопреки времени и безвременью, остановившись где-нибудь на углу Нового рынка, чуть прикрыв глаза и отстранив окружающую суету и шум, можно увидеть, каким это было когда-то, услышать иные голоса молодого еще Города, ощутить запахи чумацких воезов, идущих к рынку и к постоялым дворам, расположенным тут же, неподалеку, окрики биндюжников и во все времена легко узнаваемый, характерный и неповторимый одесский говор.

По всему внешнему периметру Нового натканы мелкие лавочки. Спереди, от Торговой, в них торгуют всякой мелочью, вперемежку с базарными забегалками, справа всякие ремонтные мастерские, делают ключи и ремонтируют замки (на плакате рекламном рука посылает клиента за угол и написано: "Любой ключ за две минуты!"), а позади, от Конной, мел-цемент-песок-стройка, пыль-шум-погрузка-выгрузка, слева — автобусная стоянка, забитая старыми автобусами пригородных линий, и они все время маневрируют в поисках удобного места для погрузки, а пассажиры стайкой движутся за ними вслед, как гусята за мамой гусыней, боясь потеряться.

Сейчас середина июньского дня, солнце в зените, а перед лавочками защитная зелень деревьев. И прохожие прижимаются к тени, перебегая залитую солнцем дорогу, как линию огня. Сиеста, и продавцы погибают от безделья, сидят в креслах перед лавочками или присев на корточки курят, лениво переговариваются и наблюдают проходящих. Пахнет свежим хлебом и только что выпеченными лавашами от ларьков при пекарне через дорогу, сушеной и вяленой

рыбой к пиву, и вот оно рядом, в бутылках и на разлив, и пенится в кружках, а музыкальные ларьки грохочут музыкой, перекрывая друг друга.

Непрерывная струя людей вливается в Новый через его центральные ворота, растекаясь по его артериям и венам. Здесь тесно от бедер и плеч, от размахивающих рук и сумок, притом движутся еще и детские коляски, грузчики со своими широкими платформами и горой груза, и криком: "Паберегись!!!", с размашистым ударением на первом слоге. Это кроме собак под ногами. И все это течет двумя встречными потоками в узких коридорах между ларьками, а у ларьков стоят очереди, иногда в едином потоке возникает внезапно вихрь, это покупательница усмотрела что-то нужное на ларьке с другой стороны движенья и пробирается к нему поперек потока. Здесь происходит множество встреч — где, как не на Новом, можно встретить знакомых, и так удобно в этой тучей толпе остановиться и поговорить. И если встретились две знакомые дамы, средних лет и соответствующих фигур, то обтекающий их базарный поток не может удержаться от всяких по этому поводу мыслей, но дамы наши устойчивы, как психикой, так и весом. Откуда и формируются такие обольстительные дамские фигуры, полные волшебных переходов и соблазнительных овалов. И если тебя протянет между двух таких бюстов (так формируют протажкой в зубчатом зацеплении исходный бесформенный стержень), выйдя, ты станешь ко многому годен, кроме того, зачем так неосторожно пришел сегодня на Новый рынок.

Есть мелочи жизни, мы их не замечаем все, но, обидевшись и перестав нам служить, они нашу жизнь сразу делают невыносимой, например, порвавшаяся змейка на ширинке (при аресте забирают у человека шнурки от обуви и ремень от брюк, и сразу же изменяется ошеломленный человек — это как проколотый шарик, из которого выпущен воздух). На входе в Новый работает шнурково-змеичная дама, у нее прическа сделана из обувных шнурков разной длины и цвета, как реклама дела. А рядом фонтан, бьющий неиссякаемым потоком шнурков и змеек. Голова этой дамы — как у Медузы Горгоны, идешь бесечно рыночными рядами среди празднично-непраздной толпы и внезапно в разрыве людской реки видишь огненно-вьющуюся голову и пронзительные глаза, выматривающие добычу.

Утром в рядах Нового — дамы и девушки, солидные мужчины в спортивных костюмах, посланные женами на рынок, устроенные коты (у каждого свой контейнер или прилавок) и рыночные псы, все в душевном единении...

Рыночный пес, рыжий, как скандинавские викинги, распатланный, как Ноздрев поутру, парень — "душа на распаху", разлетелся к Денику брататься...

Бедность — картофельными рядами и зеленью, но недостаток ходит во фруктовых рядах — там вся красота мира — пирамиды яблок, гранатовые арсеналы, груши с кокетливыми хвостиками, как стайка девчонок с косичками, выбегавшая на перемене из класса на школьный

двор и дружно замершая, увидев страшного лохматого и добродушного пса, зашедшего к ним во двор, и они его, обступив, рассматривают, как редкую дикуинку, а он виляет хвостом и ждет подачку, улыбаясь и широко раскрыв пасть от жары; арбузные ядра, как при обороне Севастополя на акварельных рисунках 1854 года. Все вымыто, выложено, проверено и готово к бою.

Крыжовник и всякая мелкая ягода лежат в лукошках с высокой плетеной ручкой. Красная Шапочка с таким лукошком бежала к бабушке с гостинцем. Невинная детская история, но волка погубили там зря!

Над фруктово-овощными рядами звучит равномерный приглушенный доброжелательный гул, как в храме, но ведь где-то здесь и располагался Сретенский храм, его алтарная часть была ближе к центральному входу от Торговой, и там памятным знаком стоит павильон свадебных платьев.

Молодая дама покупает апельсины, насыщенные теплотой солнца, упругие, сочные — это заметно, как и в глубоком вырезе декольте у дамы, и мы оба с продавцом — совершенно восточным человеком — смотрим сейчас в общем чувстве на этот вырез — какие там налитые жизненным соком апельсины! Дрожат руки у восточного человека...

Повторяется история в Эдеме на нашем Новом рынке...

А в переходе — соленья — бочками капусты, рядами хрустящих на зубах соленых огурчиков... Идешь мимо, и вдруг возникает желание стопки ледяной горты и согревающей желудок водки — и, остановившись в изумлении, откуда взялась такая неожиданная и славная мысль, видишь эту спокосу — плотные, холодноватые на взгляд, упругие, одинаковые размером, как патроны в обойме, маринованные огурчики...

Древнее мужское чувство — ощутить рукой приклад карабина, медленно поднять ствол и оценивающе глянуть в лицо врага... Оружие в руке, нога в стремени, табак в кисете, а крепкий напиток ближе к вечеру, когда справишься с врагами и неплохо будет отдохнуть!

Все перепуталось теперь на рынке. Спрашиваю парня:

— Где здесь теперь овощи?

Нет ответа, оказывается, я спросил у манекена. Он стоит на проходе, прислонившись плечом к стене магазина, и руки держит в карманах. Одет неплохо. Но говорить не хочет — просто в ответ пожимает плечами и насмешливо на меня смотрит.

— Не хочешь — не говори, — замечаю я ему и ищу кого-нибудь более сговорчивого.

Пожилая покупательница разбирается со сдачей и в промежутках объясняет мне, что ее кот Азиз (такой умница и красавец) ну совершенно не ест никакой этой колбасы, но любит парную осетрину. Будешь тут красавцем!

Гордость рынка — кошка именем Базарина (имя на италианский манер с ударением на "и") — черно-белая, неправдоподобно громадная, гордо восседает на личной подстилке перед мясным корпусом, и все с ней персонально здороваются.

На днях я покупал елку на Новом рынке. Мне объяснили, что надо ее покупать за рынком, на Конной улице, а не перед ним, на Торговой, что там, за рынком, цены значительно ниже, чем со стороны центра. Это именно так и оказалось, причем разница эта колебалась чуть ли не в двое, расстояние же между этими местами продажи вряд ли превышает сто метров. Приценившись к елкам, продававшимся со стороны центра, и перейдя затем за рынок, я купил на эти деньги ошеломляющих размеров ель, целое дерево, и купив, понял, что не донесу до дома, тем более, что со мной был пес на поводке. Но где-то здесь непременно должен был процветать извоз, и глянув вокруг, я увидел группу мирно беседующих мужиков с лицами, уж не знаю по какой причине, но сразу определяемыми как водительские. Я не ошибся, их машины стояли рядом, в основном старые легковушки с характерными багажниками на крышах, но, главное, лица уж очень были характерны. Такими эти лица у Нового рынка были и в начале столетия, с той разницей, что неподалеку стояли вместо машин кони, мирно жуя сено (у деда моего, Гордея, было таким лицо, и биндюжники звали его Григорием). И нас, меня с псом и елкой на крыше, заботливо и уютно погрузив в свой транспорт, довез уже слегка выпивший (был конец дня) и разговорчивый специалист извоза, и пока ехали мы эти несколько кварталов к углу Спиридоновской и Дегтярной улиц, мы успели побеседовать и сверить карты относительно семейных (что, мол, донимают жены) и государственных дел (что, мол, вороги, и кто же мог этого ожидать в такой ошеломляющей степени), и доехав, мы обменялись поздравлениями к праздникам и пожеланиями, а насчет елки и ее цены он сказал, что мне сильно повезло, и что ель что надо, и что я правильно сделал, купив ель, а не сосну.

"На кой мне черт, скажите, ваши Аргентины..."

Есть настоящее мужское умение — варить яйца всмятку и уметь выбирать арбуз. Мой отец был родом из Херсона, из Олешек, и считал делом чести выбор арбуза. Он его долго выматривал, именно пятак должен быть особый у зрелого арбуза, формой и цветом, потом щелкал по носу, обхватывая двумя руками и сжимал, приложив ухо к полосатому арбузному телу. И гордо нес домой — ликовать. А мама делала так: подходила к этой пирамиде и сразу тыкала пальцем в самый первый с краю — и никогда моя мама не ошибалась!

Есть некая загадка в арбузах: их нет и нет, но вот внезапно и удивленно видишь на углу гору арбузов, но загадка не в этом — сразу же видишь, что они уже лежат и на всех остальных городских углах.

Арбуз сделан из ледяной воды и жаркого солнца (можно проверить — разрежь его на узкие скибки и выставь на яростное солнце — он мгновенно станет ледяным). У нас его еще называют кавун. Продают на пробу, вырезая пирамидку с красной мякотью — под укус, и затем старательно закрывают вырез. Арбуз зреет — хвостик вянет. Так, впрочем, говорят и о животе полнеющего мужчины.

Большой и холодный арбуз следует есть не торопясь, раздвинувшись донага, жмуря глаза (как мартовский ошалелый кот развратной походкой устремленный на крышу, где уже слышится хоровое свадебное мужское пенье, и он прищепывает по дороге сквозь зубы, что вот зазевался и опоздал...), чтобы не думать об опасности залиться соком, большими ломтями, оставляющими следы на обеих щеках у рта. Плюясь семечками. Наестся хорошим арбузом нельзя — можно только заполнить себя им до предела. На время.

Арбузные рынки

Когда-то, давным-давно, арбузы в Город пригоняли дубки из Херсона. Это были лучшие из арбузов — херсонские. На полотне Ефима Ладыженского видна наша арбузная гавань и белые кони на зеленом арбузном поле. Кони эти так похожи на лебедей! Декан имел все основания назвать именно лошадью (гуигнгнма) благородным существом на фоне человека, и это вполне заметно на картине. На голову правой белой лошади хозяин надел соломенную от солнца шляпку, красиво решив вопрос с ушами. Хороший и веселый человек был ее хозяин.

А эти трое, в правом нижнем углу картины, две черные масть лошади и старик в бороде и с красивым носом, это ведь совсем иное, чем напиток воды, — это сердечное единение и беседа, — и пока эта правая лошадь пьет, левая что-то говорит важному старику и он слушает ее, удивленный услышанным!

Смешная лошадка в кокетливой соломенной шляпке и моряки, играющие в волейбол арбузным мячом.

Теперь дубки не ходят, но, как и встарь, в августе по всему городу продают арбузы. Они возникают внезапно, из ничего и ниоткуда, их чудовищно много, они не помещаются на рынках и расплозаются по всему городу, по всем его углам и перекресткам, так удобнее покупателю донести тяжеленный арбуз домой.

(Так бурно взошедшее тесто поднимает крышку кастрюли и сползает на пол, заполняя

кухню, подмывает двери и как волна потолка неумолимо расплзается по лестничной клетке, набухая на краю площадки тяжелой килограммовой каплей и, внезапно оторвавшись, эта капля летит в лестничное пространство, вибрируя и переливаясь формой, как тетя Дуня, вышедшая поутру на Новый рынок за зеленью, и тяжело и упруго падает на лысину дяди Пети, тети Дуниного мужа, только что вошедшего в прохладную сень парадной с уличного нестерпимого зноя и успевшего отереть свою вспотевшую лысину платком, и лысину эту накрывает с размаху блин теста, сразу поджариваясь на ней и отскакивая в хрустящую корочку лаваша... а тетя Дуня, уже повернувшись было за угол Нежинской, вдруг вспоминает о позабытой кастрюле и бегом торопится к себе домой — но поздно, уже совсем вышло из берегов и убежало ее тесто и его не собрать, разве что с лысины дяди Пети, а кто виноват — именно дядя Петя — просила же его тетя Дуня сходить с утра на базар — так нет!)

Образуются пирамиды из арбузных шаров. Периметр такой пирамиды ограничен досками, лежащими на ребре, и дальше арбузы идут в вышину свободной укладкой. Как ядра при обороне Севастополя. Рядом, на стуле, все это время живет продавец. Арбузы не увозят ночью, и продавец дремлет рядом, превращаясь в охранника. Но можно поэтому в любой ночной час, проходя мимо или выйдя специально из дому, купить арбуз. Потеряв сигарету — у продавца ночью, непосред-

ственно перед вашим приходом, непременно заканчиваются сигареты. (Я не курю уже шесть лет. До сих пор держу в зубах обкуренный моими друзьями мундштук. Я утратил часть радости из оставшейся немногой, но главное, что потерял, — возможность поздней ночью, встретив человека, просящего сигарету, его этой сигаретой угостить. Чиркнет спичка, ее огонек, защищенный от ветра нашими ладонями, осветит на мгновение наши лица, и слово благодарности случайного в твоей жизни человека за дарованную радость сделает человечество лучше, чем оно есть, и ближе к тому, как надо.) Рядом меньших размеров сделана пирамида из дынь. Такой ночной продавец обрастает товариществом — стоит группа из трех проданных кресел, уютно горит торшер, на ночном столике из накрытого тряпкой ящика натюрморт из закусок — на углу улицы, оазисом в пустынной темноте ночного Города, жилой интерьер.

Человек в кресле под горящим торшером, в руках книга и на носу очки. Рядом пристроилась, обретя дом, бездомная кошка и, свернувшись клубочком, мурлыкает песенку уюта и дома. Поворачивая за угол, человека обезжесточивает ночной трамвай четвертого маршрута (и можно прочесть название книги — это Бенедикт Спиноза).

Гора арбузов, как вереница воздушных шариков. Их вес обманчив и они сейчас улетят в небо.

У арбуза лакированные косточки.

Сменил множество названий. Причина довольно простая. Отсюда началась одна из самых главных транспортных артерий — соединявшая город с Практической (Военной) гаванью. Дорога пролегла по тальвегу Военной балки, пересекала Дерибасовскую, Греческий базар, шла по Александровскому проспекту до Вольного рынка и далее — до Привозной площади. Таким образом, все это была как бы одна длинная улица, одновременно именовавшаяся Александровской, Гаванской и Старобазарной. Впоследствии она магистраль "распалась" на фрагменты: спуск, проспект, улицу и три рыночные площади. В свою очередь, спуск сначала именовался просто Военной балкой, затем Портовым, Военным, Гаванским, Сабанеевским, Сабанеевым, Сабанским, Военным гаванским, Воронцовским, Казенным спуском, а также Портовой улицей. Все эти названия тоже понятны — по воинским казармам (на генеральном плане Одессы, составленном между 1803 и 1807 годами, ближе к правому склону балки различимы шесть казарм) и Военному молу, размещавшимся по бортам балки, Сабанееву мосту (в свою очередь, получившему имя по дому генерала И.В. Сабанеева, впоследствии принадлежавшему греческому неготианту Зарифи; здание это стояло на углу Гаванной и Малого переулка), дому княгини Воронцовой на углу спуска и Приморской улицы, Казенному саду.

Военная балка заканчивалась близ Греческого базара, и через нее были перекинута каменные мосты: Сабанеев (1828-1836 гг.; в эти годы он несколько раз перестраивался и укреплялся), так называемый Дерибасовский или Гимназский (1811-1812 гг.) и еще один, безымянный, — на пересечении нынешних Ланжероновской и Гаванной (1810 г.). Впоследствии верховья оврага засыпали вместе с двумя последними мостами, и этот участок фактически составляет нынешнюю улицу Гаванную, застроенную довольно рано: в середине 1820-х здесь было не менее дюжины зданий. А вот в пределах Военного спуска частные домостроения в первой половине XIX столетия единичны — слишком неудобное, да и небезопасное место на косогоре.

Помимо казарм и кузниц — как же без кузниц на столь оживленном гужевом тракте? — здесь числятся (1848 г.) дом и магазин наследников Цибульского, "пустопорожнее место, принадлежащее к магазину Гари", магазин купца Шейнца (Шейнса), дом князя Гагарина, дома и магазины статского советника Вороновского, коллежского советника Молчанова, наследников купца Манеса, жены титулярного советника Мищенко и, пожалуй, всё. Любопытно, однако, что многие из этих домов ничем не уступают расположенным в элитарном центре. Скажем, строения, принадлежащие Цибульским, оценены в 16 тысяч рублей. Для сравнения заметим: дом Прокопеуса на углу Екатерининской и Греческой ("Два Карла"), например, оценен в 15 тысяч.

На плане города, составленном архитектором Г.И. Торичелли в 1826 году, помимо строящихся объектов Воронцовского дворца мы видим в левом борту Военной балки всего лишь два небольших дома, вероятно, хлебных магазина. Казармы к этому времени уже ликвидированы, и на всем протяжении оврага до самого сочленения с нынешней Гаванной улицей нет ни единого строения. На другом плане, предположительно составленном Ф.К. Боффо в середине 1830-х (тогда склоны балки основательно укреплялись, о чем будет сказано ниже), почти та же картина, с той лишь разницей, что два упомянутых домика в левом борту балки соединены в один.

Совершенно очевидно, что один дом — типологический "хлебный магазин" — вполне сохранился до сих пор: это нынешняя высокая одноэтажная с характерными полукруглыми наличниками "Автошкола" по Военному спуску, № 5. Пока остается открытым вопрос, кому из перечисленных особ он принадлежал в первые эпохи существования, но это дело наживное. А пер-

востепенны его датировка и высокая степень сохранности в оригинальном практическом виде.

Еще один дом, сравнительно больших размеров, близ которого видна еще маленькая хозяйственная постройка, появился в том же левом борту балки, но значительно выше, за достраивающимся Сабанеевым мостом. В связи с этим пристальное внимание привлекает дом князя Гагарина — нынешний дом № 11, приземистый, двухэтажный, на цоколе, изрядно обветшавший. Мы когда-то осматривали его вместе с видным историком градостроительства В.А. Чарнецким. Внешний облик фасада, примыкающих со двора галерей, размер использованных блоков известняка, характер наличников и другие обстоятельства создавали впечатление, что он мог быть построен даже в конце XVIII или начале XIX столетия. Примерно тогда же, когда и два небольших дома Феликса де Рибаса, расположенных поблизости: двухэтажный, в начале Гаванной, и одноэтажный, в Малом переулке.

Во всяком случае, дом этот построен ранее 1848 года, поскольку

(№ 7), представителя известного семейства думцев Шульца (№ 12 по тогдашней нумерации), князя Манук-Бей (№ 16), графини Толстой (№ 20). Как раз в это время дом крупного общественного деятеля и мемуариста О.О. Чижевича (тогда № 18) переходит во владение германских баронов Бутвиля, Крауса и Золингена. Появляются новые звучные (по крайней мере, в пределах города и региона) имена: Евангелиди (№ 8), Бурназо (№ 10), Дьепп (№ 14), Колачевский (№ 22; правда, этот дом известного медика и гласного Городской думы скорее относится к Сабанееву мосту), Вассал (№ 24) и др.

Хотя, как было сказано, склоны балки укрепили, а все же строительство на косогоре вызывало определенные затруднения. Если пройти по нынешнему Военному спуску, отлично видишь, как дома принаравливаются к рельефу, идущему под уклон. Так, высота дома № 1 уменьшается по ходу подъема в гору от 3,5 до 2,5 этажей, № 3 и № 6 — от 4-х до 3,5, № 8 — от 3-х до 2-х и т. п.

Практически все перечисленные дома были, конечно, доходными

ватерпруфы, и зонтики, и ночные вазы, и оптику, и ткани, и столовые приборы, и "керосиновые кухни", и, например, специальные часы — устойчивые, приспособленные к условиям качки, и сувениры, и вообще массу полезных вещей, необходимых в ходе путешествия.

В том же доме № 6 практиковал корабельный маклер Абрам Анисимович Грагеров — человек небызвестный и заслуженный. Потомственный почетный гражданин, купец второй гильдии, он состоял присяжным корабельным маклером Биржевого комитета, был членом Совета правления синагог и молитвенных домов и ряда благотворительных обществ. Опять-таки в доме Э.Я. Голдсмита помещалась контора другого авторитетного корабельного маклера — Н.А. Розенфельда. Он тоже купец второй гильдии, член Общества вспомоществования нуждающимся воспитанникам женской гимназии Масловой и Градской и проч. Розенфельд "принимал" также в доме Софьи Тимофеевны Дьепп, № 14, естественно, доходном. Одно время Грагеров и Розенфельд работали в тан-

домовые кухни П. Группоренко, Е. Гайдамакиной, И. Влахо, Е. Ивановна, М. Теливной. Плюс "меблирашки" Барбары Заржицкой в доме Павла Павловича Пигуренко, № 4, и В. Юхим — в доме № 2. Как Божий день ясно, что большинство из этих заведений представляли собой замаскированные дома свиданий, о чем встречаешь немало скандальных откликов в дореволюционной периодике. В первом номере была даже парикмахерская или, во всяком случае, заведение (армянская цирюльня К. Чиндинова), именовавшееся парикмахерской.

На изломе спуска (№ 13) и Гаванной улицы функционировали довольно популярные в свое время "Варшавские бани", содержанием которых был некто К.Ш. Окунев. В начале прошлого столетия бань в Одессе было три с половиной десятка. Однако в путеводителях персонально упоминаются лишь три лучшие, "мраморные" — "Варшавские", Исаковича и "Славянская". Недавно на месте дома № 13 развернулось масштабное строительство. Производитель работ, краевед и коллекционер А.М. Хазан, демонстрировал мне извлеченные из котлована три великолепные мраморные ванны, каждая из которых высечена из монолита. Работа местных мраморщиков-итальянцев поражает своим изяществом. На дне ванны — небольшая ступенька-сидение, наружная боковая стенка украшена имитацией двух колец со скобами, якобы предназначенных для опрокидывания ванны.

Числящаяся по Военному спуску, № 9 (дома №№ 9-11 тогда перешли от Гагариных к крупному банкиру Рувиму Зонштейну), фешенебельная гостиница "Крымская" относится к нему чисто номинально, поскольку фактически выходила на Сабанеев мост и Екатерининскую площадь. Ее роскошный ресторан разного рода портовый люд навешал едва ли, разве что зарубежные капитаны и штурманы. А "босоту" вполне удовлетворяли: казенная винная лавка № 571, помещавшаяся в доме № 8 (сиделец — Софья Игнатьевна Клейнрених или Клейнгених), "Погреб русских вин" (то есть отечественных — бесарабских, крымских, кавказских) Семана Синихянца в доме Жака Наума, № 3, а также съестная лавка Шмуля Фридмана на углу Приморской улицы и Военного спуска, числящаяся по Приморской.

К слову, первый казенный кабак, в доме Шейнса, на торгах, регулярно проводимых в городской управе, брался в аренду не очень охотно — народ-то кругом больно шустрый, да и, прямо скажем, небогатый. Если за питейный дом, скажем, на Греческом базаре, выкладывали более трех тысяч (!), то за эту забегаловку едва вносили две сотни. Впрочем, были здесь заведения и якобы солидные: чайный трактир Василия Станева в доме № 2, пивная зала, так называемый "бирхолл" или "биргалле", Михаила Нелена в доме № 4 и его же ресторация в доме № 10.

Наиболее экзотическими представляются заведения в ближайшем к порту доме Хаи Шварцер, № 2 (чайный трактир, "меблирашки" и проч.), как и сам его внешний облик, запечатленный на старой почтовой открытке. Домик этот, как и соседний, четвертый, давно снесен, а над пустошью нависает Тещин мост. А прежде... В первом этаже — бакалейная и табачная торговля, во втором — пряные припортовые кабачки, вынесенные на покрытие полосатыми навесами (так называемыми маркизами) балконы-галереи на "сваях", в третьем — комнаты для свиданий. Чудо! На другой открытке — вид Военного спуска сверху, от Сабанеева моста. Как он, однако, оживлен! Я насчитал не менее десятка дрожек на отменной булыжной мостовой, да сколько-то праздновашающих там же и на тротуарах.

Прямо скажем, шумно здесь было. Припоминаете старую песенку одесских подворотен: "Идут, сутулятся, сметая с улицы, и клещи новые трещат по швам... Они идут туда, где можно без труда достать бутылку рома и вина, где пиво пьется, где жизнь не ценится..."? — это как раз о Военном спуске.

Олег ГУБАРЬ

Военный спуск

тогда оценен для взимания процентного сбора с недвижимости в городскую казну. В пользу его большей давности говорит и довольно скромная сумма оценки — 1.800 рублей, сравнимая, например, с первобытными домиками, примыкающими к Греческому базару, — купцов Кехрибаржи, Милованова, Кудрявцева. Сопоставляя все имеющиеся в нашем распоряжении документы, можем сделать вывод, что дом Гагарина построен в интервале между 1826-м и серединой 1830-х годов. В реестре объектов культурного наследия ни это строение, ни еще более старый дом № 5, к несчастью, не значатся. Жильцов дома № 11 отселяют, и этот древний обитатель города, живой свидетель "младенчества Одессы", вот-вот будет уничтожен.

Как сообщается в издании, выпущенном муниципалитетом к 100-летию Одессы, Военный спуск был замощен первым в городе — как наиболее важная транспортная развязка. Дело в том, что приходившие порожнякам суда по указанию начальства привозили в качестве балласта прочный камень со средиземноморских островов, за что мореходы получали льготы в ходе пребывания в гавани и загрузки зерном. Именно этим камнем и было в 1821 году вымощено "дно" балки, и только потом принялись обустроить подобным же образом Карантинный, Польский и Херсонский спуски, также важнейшие городские магистрали. Впоследствии (подряд взят в 1828 году) в целях обеспечения безопасности борта балки были укреплены контрфорсами (без сводов — 120 погонных сажень, со сводами — 85 погонных сажень), что, конечно, активизировало строительство здесь жилых домов. В 1835 году возведена подпорная стена поблизости от достраиваемого в очередной раз новыми подрядчиками Сабанеева моста.

К концу третьей четверти позапрошлого века Военный спуск был застроен уже довольно плотно. Правда, менее удобная нечетная сторона вмещала лишь семь домов, а четная — десять. Любопытно, опять-таки, что в числе домовладельцев почти сплошь известные в старой Одессе фамилии: Воронцовы (№ 1), Тюневы (№ 3), Бодаревские (№ 5), Маврокордато (№ 7), Гагарины (№№ 9, 11 и 18), Вучина (№ 2), Шульц (№ 8), Ковалевские (№ 10), Манук-Бей (№ 12), Чижевич (№ 14), Толстые (№ 16), Гурович (№ 20). В 1910-е годы четная сторона вмещает уже 12 домостроений, при этом из прежних хозяев мы встречаем лишь княгиню Воронцову-Дашкову (№ 1), греческого неготианта Маврокордато

или же использовались под "хлебные магазины" (то есть амбары для хранения и просушки зерна) — разумеется, жить здесь одесская элита не помышляла, а вот удачно разместить капитал — пожалуй ста. Между прочим, несколько объектов этой ретроспективной недвижимости сделались уже мемориальными и включены в реестр охраняемых памятников архитектуры и градостроительства. Это, в частности, дома: Наума, № 3 (начало XX века, архитектор А.С. Панпулов), Бурназо, № 10 (начало XX века), Чижевича, № 18 (1875 г., архитектор В.Г. Брунс). Почему-то не охраняются примечательные дома №№ 1, 5 и 11.

Местоположение спуска предопределило его функциональное, так сказать, назначение. Даже в большей степени, нежели Карантинный и Польский, Военный спуск как бы прислуживал порту, выполнял его разнообразные заказы, удовлетворял всевозможные потребности — не только в материальном, но и гуманитарном смысле. Здесь помещались представительства соответствующих заводов и обществ, мастерские всех морских профилей, специализированные склады, здесь находились конторы корабельных маклеров, магазины дешевого готового платья для мореходов, грузчиков, мастеровых, пивные и съестные лавки, трактиры, подзорительные погребки и "меблирашки", короче говоря, все то, что нужно сошедшему на берег морскому волку, подгулявшему грузчику или биндюжнику типа Фроима Грача.

В обширном доме княгини Елизаветы Андреевны Воронцовой-Дашковой, № 1 (не путать с дворцом, числящимся по Николаевскому бульвару), скажем, размещалась обширная специализированная слесарно-механическая мастерская Василия Мясоедова, ремонтировавшая судовые котлы и машины всех типов. В следующем доме, № 3, принадлежавшем Жаку Андреевичу Науму, находилось представительство Русского общества Смеловских корабельных цепей и якорных заводов, обеспечивавшее порт соответствующим сортаментом. В реестре "магазинов пароходных принадлежностей" видим сразу четыре на Военном спуске: Осипа Винника — в доме № 18, Хавы Израильсона и Крейна Маргулиса — в доме № 1, Мойше Лехтцинда — в доме № 3 и Авраама (в других источниках он назван Иосифом) Маргулиса — в доме Голдсмита, № 6. Если вы полагаете, что к пароходным принадлежностям относятся исключительно машины и механизмы, то сильно заблуждаетесь. Здесь можно было приобрести и саквояжи, и баулы, и

деме. В доме Дьепп практиковал еще и другой корабельный маклер, Яков Маркович Розенблит, владевший домом на Слободке-Романовке, по Наличной улице.

Магазины готовой одежды для простонародья назывались "Крестьянским платьем", хотя на самом деле покупали тут больше городские жители. К "крестьянскому" относилось и флотское платье. Крупнейшим "реализатором" в течение ряда лет выказал себя предприниматель Гессель-Лейб Нухимович Брустейн. Здесь уместно заметить, что одно время Брустейн был ведущим шипчандлером (то есть поставщиком всего судового оборудования, включая продовольствие, как бы снабженцем) Одесского порта. В безразмерном доме № 6 помещался его собственный магазин, а в 1-м номере (этот дом и в самом деле огромен даже по нынешним меркам) — другой, который он держал совместно с компаньоном, Гершом Срулевичем Симановым. Между прочим, они были совладельцами не только магазина, но и домостроения по улице Малой Арнаутской (тогда Суворовской), № 19. В доме Хаи Шварцер, № 2, такой же одежный магазин содержали Александр Хаймович и Мендель Барченко, а в доме Георгия Стамовича Евангелиди, № 8, — Исаак Цукерман (по другим источникам — Цунман). А в доме № 4 находился магазин флотской одежды Рафаила Базилика.

Объявление, помещенное в одном из старых путеводителей, наглядно объяснит причины обилия подобных магазинов на Военном спуске, в непосредственной близости от порта. Становится понятной и причина, по которой шипчандлером был именно предприниматель, специализирующийся в данной отрасли. "Специальная торговля мужских платьев и флотской формы М.Х. Барченко. Специальный выбор флотских форм: зимние и летние формы для матросов и классных учеников, костюмы триконовые и суконные, также разные синие костюмы для машинной команды и непромокаемые плащи. Большой выбор разного рода доброкачественного мужского белья, также фуражки форменные матросские и образцовые штатские, ленты для матросов прочной краски, готовые и по заказу".

Увеселительные заведения представлялись двумя основными разновидностями — забегаловками и, прямо скажем, сомнительными "меблированными комнатами". Поражает также обилие так называемых "домашних обедов". Во все тех же поистине хрестоматийных домах №№ 1, 6, 8 находим как бы

Владимир КАТКЕВИЧ

Особняк на Лагерной

Алексей Иванович Пантелеев, автор веселой, живой и жуткой повести "Республика ШКИД", стал неслыханно популярным в неполные восемнадцать лет. Благословенная Самуилом Маршаксом повесть о педагогической неудаче была в кратчайшие сроки переведена на шестнадцать языков, автор, понятное дело, получал гонорары, которые даже в то скудное время были куда обильнее нынешних крох, и не всегда, как говорят моралисты, выдерживал испытания водопадно свалившейся на него славы. Например, позволял принять за рукав сверх разумной меры, о чем исповедался в мемуарах, которые завещал опубликовать через два года после кончины, никак не раньше.

Один из загулов в подвальном ресторане на Гороховой завершился безжалостным избиением Пантелеева, позволившего себе колкость в адрес блатной компании. Молотили ногами, пока у кого-то не оторвалась подошва на ботинках "джимми". Все происходило с таким же накалом, как в наше время. Публика шаркалась. Заторможенная милиция открыто симпатизировала истязателям. Пострадавшего вели в участок, как на расстрел, он впереди, а сзади блатные возмущенно мели клешнями Невский и угощали милицкого папиросками "Дукат".

"Свидетели" похитили документы с деньгами, и потому требовалось подтверждение личности. Род занятий юный автор определил однозначно: "Пишатель", — вызвав улыбки сомнения в дежурной части. Набрали номер телефона гостиницы "Астория".

— Алексей Макшимович, ищите Пантелеева, оставивший два зуба в ресторане.

Из "Астории" прислали извозчика. Горький прихварывал, в номере присутствовал профессор, который насчитал у Пантелеева двадцать шесть кровоподтеков.

— Разве можно, батенька, так напасть? — пожурил юного коллегу великий пролетарский классик.

Огорчительное все-таки отступает, как, впрочем, и приятное. Возможно, у модного тогда молодежного прозаика истощились гонорары, почему в очередной приезд в Одессу автор "Республики ШКИД" останавливался на постой уже не в "Лондонской", а с почетной халатностью в детской республике "Коминтерн", что находилась на 4-ой станции Большого Фонтана. В республике-детдоме автора комсомольского бестселлера, конечно же, приветствовали, повесть стала настольной, стриженные библиотекарши и воспитательницы стреляли в Пантелеева глазами. Алексею же Ивановичу было не до амуров, причина приезда выглядела тривиально и кляузной, Пантелеев судился с Одесской кинофабрикой из-за авансов.

А кто с ней не судился? Сам Гайдар инструктировал Пантелеева, как прищипить киношников.

Мглыстыми осенними утрами Пантелеев брел, как на работу, на ненавистную кинофабрику по загадочной Кленовой, в палисадниках стекленели росой астры, пахло изабеллой. Кленовая до сих пор в изоляции, как старлица, никуда не впадает и нигде не вытекает. О скромном существовании ее не догадываются скучно живущие рядом обитатели хрущев, нахально внедрившихся в стадо особнячков. Наивные эти штучные особнячки, строения, ладно сработанные из мелкопористого ракушечника кооперативом "Самопомощь", упорно не штукатуренные, разбежались от циклического трамвайного оживления Фонтанской дороги по улице Черняховского (Прямой), по Пионерской (Лагерной). Дачно-колонийный мотив сопровождает строение, даже намека нет на изыск, но характер присутствует, у каждого свой нор вперемежку с южным легкомыслием.

Пантелеев проходил мимо одноэтажного дома, с колоннами у парадного крыльца, по Лагерной, 5 (Пионерская, 9), где всегда шумило детское. Возможно, с ним уважительно здоровались из-за штукетника и он кивал и шлепал мимо. Через два дома, у ны-

нешней улицы Говорова, шествие разнокалиберных строений тормозилось, дальше стремились к речке-воночке огороды и виноградники.

— Гужбан, ты не прав! — говорил Пантелеев пугалу.

Пугало в вылинявших лохмотьях было похоже на подростка Гужбана, беспризорника из "ШКИДы".

Идти на кинофабрику не хотелось, автор интересовался у старика, пасшего коз:

— Батя, а где шумидяк на разлив?

— Старого уже нема, а молодое не сыграло, — набивал цену козопас.

Наливали на Лагерной, Пантелеев с желанием возвращался. Освежившись либидей, писатель закуривал, снова проходил мимо дома № 5, не догадываясь о его секретах. Дом с колоннами был необыкновенным, при постройке "Самопомощь" оборудовала его тайными помещениями, черными ходами, печкой с хитростью, за которой могло прятаться, да и пряталось от полиции до десятка именитых подпольщиков. На этой явке пили чай, а может, и домашнее вино товарищи

Активисты "Южного рабочего союза" Окольские происходили из семьи потомственных народовольцев. Брат по матери Михаил Деметьевич Терентьев мотал царский срок на рудниках Кары. Его сестра бомбистка Людмила Дементьевна Тереньева была приговорена к смертной казни и повесилась на собственной косе в Петропавловской крепости.

С властью боролись яростно, последовательно и кланово, как нынче в Чечне.

Арестовали Бориса Евгеньевича в 1895, год провел в одиночке под следствием на Водопроводной, потом с этапом отправили в Якутию. Из царской ссылки Борис Евгеньевич привез жену Софью Ильиничну, простую русскую женщину, которую политкаторжане обучили грамоте. В 1913 поставили дом на Лагерной, 5. Дом имел пять комнат и коридор. В каждой из комнат было две, а то и три двери, при обыске легко было спрятаться либо спуститься в подвал, подняться на чердак или замереть в тайнике-нише. Через топку русской печки, загороженную съемны-

рам завидовали. Пантелеев, как известно, опубликовал повесть в 1926 году, потому возраст вполне позволял Сергею Окольскому встречаться нос к носу с прижившимся в "Коминтерне" писателем. По окончании в мае 1932 году фабзауча № 84 Сергей Окольский поступил в Одесский морской техникум.

В 1937 году выпускник техникума Сергей Окольский прошел стажировку на крейсере "Коминтерн"(!), где ему было присвоено звание воентехника первого ранга. Коминтерновская фатальность получила новый виток, но отнюдь не конечный, развитие темы вопреки марксистским догмам еще впереди.

В первый же день войны студент пятого курса Одесского водного института Сергей Окольский занял очередь среди добровольцев в военкомате Сталинского района. Нетерпеливые норовили угодить на фронт без очереди, их приструнивали, дело чуть не доходило до драки.

Воевал Сергей Борисович на минных тральщиках, больших охотниках ОВР, охраны военного района Севастополя. Дивизион базировался в Стрелецкой бухте. Когда один из тральщиков снаряжали для конвоя военных транспортов в осажденную Одессу, попросился на этот тральщик.

Участвовал в нескольких конвоях, но на берег не выходил. После очередного похода пожаловало на борт начальство, комдив Гойко-Билан и с ним капдва, флаг-дизелист. Комдива смутил порядок в машине, чистота, военных разрушений комдив не обнаружил, царапин, пробоин, течей, цементных ящиков.

— Вы воевали или черт знает что? — спросил. — В чем дело? Почему все, как на смотре?

— Чтб легче было воевать, — доложил стармех Окольский. — В ремонте не нуждаемся, нам запчастей нужнее, а текущий ремонт мы тральщику в ходу даем.

— Как в ходу? В конвое? Кто разрешил?

Поочередно ремонтировали цилиндры по ночам в ходу, у каравана, идущего зигзагами, скорость 6 узлов, а у тральщика крейсерская — 27. Почему ночью? Днем нельзя, авианалеты.

Так и служил до полной уверенности в готовности машин, до образцовости, машина уход любит.

На внешний рейд Одессы приходили в полной темноте к 23 часам. Немцы обстреливали рейд из Григорьевки, потому ставили дымовую завесу и выгружали боеприпасы, принимали раненых. Стармеху тральщика Окольскому, понятное дело, при такой готовности вырваться в увольнение не представлялось возможности. Командир же отлучался ненадолго к старшему морскому начальнику, доложить о прибытии. Штаб располагался в начале улицы Гоголя, командир взбежал по Потемкинской и не удержался от соблазна свернуть налево. Налево по Ришельевской находился коммерческий ресторан с морским названием "Волна". Командиру, прибывшему из осажденного Севастополя, где нормировалась даже питьевая вода, захотелось хлебнуть коммерческого пива. Пока облизывал пену с губ, к столику подсели двое, потребовали документы. Долго сверяли удостоверение с живой личностью. Натура отличалась от фотографического изображения и выглядела экзотично, капитан-лейтенант отразил в конвоях немислимые бакенбарды, и усы превышали уставные нормы. Таким фантазиям в условиях монотонной вахтовой жизни подвержены многие моряки, но береговые энкаведзшники фантазии в расчет не принимали. Препроводили в смерш на Советской Армии. Семафорили на борт тральщика, чтобы кто-то из офицеров приехал подтвердить личность задержанного. Прибыл Окольский. Командира отпустили с условием умерить растительность на лице. Окольский, пользуясь замешательством, вымолил у командира увольнение на два часа и помчался на Лагерную.

На Лагерной пахло изабеллой, в речке-воночке беззаботно квакали лягушки, но из сараев не кукарекали, как прежде, петухи, их съели еще летом. И

голубятня пустовала. Заметно сдавший батюшка одиноко горбился в палисаднике. На подоконнике лежала библиотечная "Республика ШКИД".

— Одессу не сдадут? — голос у бывшего политкаторжанина дрогнул догадкой.

Сергей оставил "сидор" с пайком и опрометью побегал в порт на корабль.

На траверзе Ак-Мечети конвой обычно поджидали свежие транспорты, готовые следовать на Одессу. Пришли, караван на якорном месте нетерпеливо дергается, как положено, приняли его, но повернули почему-то к Феодосии. Уже в море догнала шифровка: "Одессу сдали".

Сквозь зубы цедились запретные новости. По "морскому телефону" передали, что на крейсере "Коминтерн" экипаж поднял мятеж и повел его на Констанцу сдаваться. Говорили, что крейсера блокировали эсминцы, команда арестована.

Когда сдали Крым, дивизион тральщиков перевел из Стрелецкой бухты на новое место дислокации в селение Кулеви на речке Хопи, это вблизи Поти. В устье пригнали разоруженный крейсер, трюмы засыпали песком, крейсер стал частью брекватера. Это был "Коминтерн"...

Окольский участвовал на тральщиках и больших охотниках в боях, тралениях, диверсиях и десантах. Случалось, что обреченных десантников сталкивали за борт, чтоб успеть вернуться за пополнением. ("Это мелочи жизни".)

Приходили на траверз крымских городков, где стояли немецкие гарнизоны. На семафорный запрос отвечали беспорядочным миганием, дерзко швартовались, высаживали разведчиков групп возмездия. Разведчики вырезали своих, сотрудничавших с немцами, чтобы другие свои боялись и уходили.

На фронт Окольский попросился в первый день войны, рапорт же на увольнение положил комдиву 10 мая, в первый день мира.

— Почему увольняетесь? — спросили на военном совете.

— Жена заканчивает в Одессе водный институт, — простодушно доложил, — а я все никак не могу окончить...

Об обиде умолчал, а она была. Прибыл в дивизион старшим лейтенантом, в том же звании и состоял. За это емкое лихолетье сослуживец-погодка старший лейтенант дорос до вице-адмирала. Чем вызвана служебная черствость, объяснил смершевец: батюшка-народовец остался в оккупации.

На совети почившего государства, почему не эвакуировали заслуженного политкаторжанина с подрывным в запялярье здоровьем. Упрек все равно теперь безадресный. Возможно, отмахнулись бы, дескать, для связи. Если письма Владимира Ильича Володарскому пропали, то письма Бориса Евгеньевича Окольского, написанные в последние дни оккупации и отправленные после освобождения Одессы, сохранились.

"...До 15 марта городом и всей областью между Бугом и Днестром управляли румыны, — пишет Борис Евгеньевич сыну на фронт в апреле 1944-го. — С 15 марта румыны стали передавать управление немцам... 1 апреля выпустили из тюрьмы уголовников. Грабежи продолжались вовсю, везде были заборы, везде брали взятки за отъезд, и очень часто обманывали... Два одесских коммерсанта заплатили по 100 тысяч марок и ни с чем вернулись из Овидиополя... С утра до поздней ночи гремели взрывы в порту, на холодильнике, на Среднефонтанской подрывали полотно железной дороги. По авторadio, разъезжавшему по городу, приказали 9 апреля закрыть плотно окна, двери и ставни. Зачем? Если будут сильные взрывы, то нужно наоборот все открывать... Значит, эвакуировать некуда, и немцы всех уничтожат. Ты можешь представить положение населения? Я отправился на Фонтан к зубному доктору Крапиве предупредить. Как только вернулся, раздался оглушительный взрыв. Взрывали склады с боеприпасами на 5-ой Фонтана, которые немцы не успели вывезти. У нас в доме вышибло парадную дверь, дверь на террасу. Над комнатой мамы, передней и моей крышу совсем разворотило. Нечем чинить, а тут как назо дожди зарядили..."

Казаки, что стояли в домах Шандренко и Чертлера, подожгли только

(Окончание на 6-й стр.)

Особняк

В. Воровский, Ю. Стеклов, Р. Землячка, А. Трофимов, Г. Петровский, Д. Ульянов. Присутствие родственника вождя на явочной квартире дало повод не шибко грамотным соседям уже в советское время растрезвонить, что сам Ленин сигал в печку. Заблуждение утвердилось еще непоколебимее, когда дендропарк на месте воночки нарекли именем Ленина. Увы, Пантелеев этого не знал, да и кинофабрика отравляла жизнь исканиями, иначе непременно бы написал увлекательную многоходовую вещь или горячо бы взялся и мучился, потому что это не совсем его тема.

У дома № 5 писатель еще раз раскланивался с хозяйкой и шлепал на прямик по тропке через пустырь, камыши и будайки к киностудии. У речки-воночки стояли табором цыгане, в шалашах ютились деклассированный элемент, потому в кармане у бывшего пиетерского плашкета топорщилась остро заточенная отвертка, в руке была палка. От собак.

Когда в сумерках Пантелеев возвращался, мысленно посылая на три буквы киношников, у дома № 5 по старой конспиративной привычке прохаживался хозяин, чтобы исподлобья проверить, все ли подходы к бывшей явке безлюдны. Прохаживался он в коротко обрезанных валенках, не по сезону, подшитых лиственной резиной, жилетке, подбитой овчиной, и выглядел провинциально. К утеплению была медицинская причина, ноги хозяин подморозил в Якутии, в царской ссылке. Возможно, огорченный общением с киношниками Пантелеев забывал ему кивнуть. Хозяин дожидался, когда странный молодой человек скроется на Кленовой, и только после этого запирает на ночь калитку, к которой была прибита фанерная табличка "Окольский Борис Евгеньевич".

Имя народовольцев Окольских, Бориса Евгеньевича и Виктора Евгеньевича, до сих пор носит одна из центральных улиц Якутска, подтвердил мой фонтанский приятель, одессит, полковник российской Комитета по контролю за оборотом наркотиков, он недавно проводил в Якутске операцию. Во как! Даже стремление алмазной республики Саха к самостоятельности не спровоцировало переименование. У нас же в Отечестве наблюдается полное забвение.

С.Б. Окольский

ми камнями, в подпол залезало до десяти революционеров. В тайниках хранились письма В.И. Ленина В.В. Воровскому. После смерти Бориса Евгеньевича Окольского в 1954 году письма пропали. Их читал и помнил Иван Иванович Литвинов, проживавший по Пироговской, 3. Сейчас там проживают другие, и разыскать Литвинова автору пока не удалось.

Возникает логичный вопрос: на какие, извините, шиши, скромный служащий Херсонского банка поставил такой просторный дом? К счастью для хозяина, сыск тогда себя приземленными вопросами не грузил, как, впрочем, и сейчас органам наплевать, на какие тугрики на том же Фонтане гордят пятиэтажные доходные дома. А средства, возможно, добытые после экспроприации тифлисского банка товарищем Коба, поступали в партийную кассу, дальше краденое централизованно распределялось по революционной необходимости, и никто из обойденных подпольщиков не опускался до злобной зависти, идеалы были выше.

Через два года в этом самом доме у политкаторжанина Евгения Борисовича Окольского родился сын Сережа. В голодные двадцатые партийные связи и заслуги позволили определить сына в... детский дом имени Коминтерна, такими необычными привилегиями пользовались политкаторжане. Коминтерновское детство сам Сергей Борисович Окольский считает счастливым и полноценным и, наверное, не зря, детский городок для многих одесских мальчишек был желанным, коммуна-

Владимир КАТКЕВИЧ Особняк на Лагерной

(Окончание. Начало на 5-й стр.)

дом Чертлера и ушли. Пожар удалось потушить...

Часам к 11 приехали машины, но не с немцами, а опять с казаками. Один просил разрешения остановиться. Я провел его в комнаты, а он вдруг спрашивает:

— Ну что, рады приходу своих?

Я не поверил, говорили, что казаки переодеваются в красноармейцев, а потом убивают...

Радости не было конца...

Хотел у нас поселиться генерал, ему меня рекомендовали как старого большевика, но комнаты были не убраны, и адъютанту не понравились...

После таких писем тянуло в Одессу еще больше, но контр-адмирал Фадеев черкнул на рапорте: "Увольняться запрещать! Вы нужны флоту!"

— Военный совет ограничился беседой с вами, — сообщили или осадили.

Окольский же не ограничился. Уволился через год капитан-лейтенантом.

Вернулся в Одессу, в пароходстве даже раскопали карточку, а пароходов — кот наплакал. Взяли на "Красногорск", на подмену, штатный второй механик поехал в Новороссийск за метрикой. Капитану же новый второй механик глянелся, решил даже отказаться от штатного, но Окольский до-рогу перебежать не привык.

— Пойдешь стармехом на "Кореиз", — пообещали в службе судового хозяйства.

— На год, не больше, — огласил он встречное желание, — а потом — на "Адмирал Ушаков".

Почему манил именно трофейный "Ушаков"? Машина там была интересная, сходящиеся поршни через гидромуфты работали на один гребной вал.

На "Ушакове" ходил до 52-го, довел старенькую машину до образцовости. Пришел из рейса, а его повестка ждалась из сталинского военкомата.

— Капитан-лейтенант запаса Окольский прибыл! — доложил, как положено. А ему:

— Уже не запаса.

— Я же был 11 месяцев в рейсе...

— Приказы не обсуждаются, а выполняются.

Поехал в Лиепая на военный судоремонтный завод старшим строителем подводных лодок, так по-флотски неуклюже обозначалась его должность. Ремонтировал подлодки всех мастей, вывел завод в передовые. В 58-м майор Окольский получил депешу от начальника военно-морских заводов страны инженера вице-адмирала Караганова, кстати, единственного в стране адмирала-инженера: "Прошу дать согласие должность нач. ПМ-96 тчк Учтите крайнюю необходимость тчк Не огорчайте отказом тчк".

Просьба начальства хуже приказания, почему и не огорчил. Ходили невероятные слухи, что вроде ПМ-26 открывает в океане ворота-аппарель, и туда проникает подводная лодка. Как в фильмах с Джеймсом Бондом. Полетел во Владивосток принимать джеймсбондовского монстра.

Очередную морскую судьбу Окольского, ПМ-96, плавамастерскую, сварганили из сегового на российскую мелку японского балкера водоизмещением в 60 тысяч тонн. В трюмах установили паровые молоты, карусельные и шлифовальные станки, в твиндеках станки помельче.

Была на ПМ-96 и своя литейка, даже якорь-цепи лили. В увеличенной надстройке должны были разместиться в походном порядке 200 рабочих-лимитчиков и 20 военнослужащих, офицеров и матросов сопровождения. На случай если придется перемещаться к театру военных действий тихоокеанского флота. Театром была записана Калифорния, известен был даже номер причала в Сан-Франциско, где монстр должен был швартоваться.

Плавучие заводские мощности Окольский содержал в боевой и производственной готовности, обеспечивал все виды ремонта, кроме докового.

Когда накопилась выслуга, пятнадцать лет "календаря" плюс война и

Камчатка, где год идет за полтора, запросился Сергей Борисович домой.

Уволился, разумеется, чтобы продолжить плавания. Еще желал завершить, наконец, образование. Когда в 50-е обращался с просьбой о восстановлении, ему говорили: "Давайте зачетную книжку". — "До войны их не было", — отвечал.

— Пишите в Среднюю Азию, где институт находился в эвакуации.

Писал. "Ваши документы готовы к отправке. Ждите", — отвечали.

Он и ждал. До 64-го. В 65-м защитился. В дипломе написали: "Поступил в 37-м... закончил в 65-м".

— Допишите: "Восстановлен в 64-м", — попросил декан, — а не неудобно.

Он образцово проплавал стармехом на разных судах до 86-го, скрывая от медиков осколок в лобной части головы. Осколка до сих пор стесняется, так же, как и приличной по нынешним ущербным понятиям пенсии с учетом ранения и беззаветной службы морской технике.

Сейчас в отчем доме Окольских уютно проживают другие люди, они здесь ни при чем, и, вероятно, заслужили благополучие в курортном районе. Дом и палисадник обихожены, видимо, средства позволяя. Сам же Сергей Борисович с семьей квартирует в пятиэтажке на углу улиц Космонавтов и Генерала Петрова, где в апреле этого года отметил свое 90-летие. С чем, пользуясь случаем, мы его сердечно поздравляем и желаем долгих лет жизни.

Окольский много лет хлопочет, нет, не о восстановлении исторической или фамильной справедливости, которые, кстати, гарантированы законами во многих авторитетных странах, а об организации в отчем доме музея революции. Время, понятно, не самое подходящее, и навряд ли оно вскоре забрезжит. Организацию музея революционной архитектуры пока отложили, как, впрочем, и оборудование мини-музея в помещении мореходной академии. На Дидрихсона располагался штаб Одесского оборонительного района, там командующий Приморской армией генерал Петров разрабатывал операции.

Если бессрочно откладывать воспитание на благополучное потом, то легко проворонить молодое поколение. А может, уже молодежь, наше будущее, зевнули.

Когда тяжело раненый и контуженный старший лейтенант Окольский лежал в госпитале на Мекензиевых горах, командующий Приморской армией генерал Петров и контр-адмирал Фадеев навестили раненых в подземных лазаретах Карантинной, где раз-вернулся... 411, эвакуированный из Одессы госпиталь.

— Я даже не могу ему руку пожать, — сказал командующий Приморской армией генерал Петров. Руки у Окольского были забинтованы, голос адмирала после контузии он слышал как из-под воды.

"Республику" "ШКИД" все-таки экранизировали.

"Вероятно, трогательное и человеческое в картине есть, — писал А.И. Пантелеев, — иначе бы ее не ходили смотреть по 5-10 раз. И все-таки, фильм не доносит всей суровой красоты тех далеких лет, всей сложности характеров, всей многогранности быта вольнолюбивой мальчишеской республики... Жизнь "ШКИДы" на экране выглядит беднее и грубее, чем она была на самом деле".

Почти не замечаемый лет сорок (!) Пантелеев дожил до очень глубокой старости. За это время другое поколение мальчишек, никогда не видевшее "Республику ШКИД", обсмотрело сериалы "Звездных войн" и устало от войн.

Алексей Иванович Пантелеев неоднократно бывал в Одессе, проходил по Пионерской мимо дома № 9, снова не очень замечая его, шел по Кленовой через поселок "Самопоощ" к первому детскому городку имени Коминтерна. Навстречу ему попадались темнокожие офицеры в форме, слушатели командно-инженерного училища с чет-вертой станции Большого Фонтана.

Феликс КОХРИХТ Последний герой нашего времени

В Одесском русском театре с успехом прошел первый показ спектакля по пьесе Александра Мардана "Последний герой".

Режиссер-постановщик — Сергей Голомазов.

Художник-постановщик — Григорий Файер.

Музыкальный руководитель — Евгения Ермакова.

В ролях: Юрий Невгамонный, Ирина Надеждина, Анна Дьяченко, Семен Крупник, Валерий Апраксин, Наталья Дубровская, Татьяна Маркова.

Одна из авторских ремарок, предвещающих I-й акт, содержит следующую информацию: "Действие происходит в двухкомнатной "хрущевке", в городе, жители которого говорят по-русски".

Знаменательно, что спектакль был показан в Одессе участникам и гостям международной научно-практической конференции "Русский театр в Украине. Вопросы современной драматургии".

Первыми зрителями стали руководители театров, режиссеры, ученые, критики, журналисты России, Беларуси, Польши, Болгарии, Украины.

За время, прошедшее с распада СССР и социализма, выросло новое поколение режиссеров, актеров, а глав-ное, зрителей. Многие изменились в нашей жизни — и политические, и географические границы, и социальная система, и товарно-денежные отношения, и даже пресловутый квартирный вопрос, испортивший москвичей времен появления в ней Воланда, искушавшего персонажей романа Булгакова греховными предложениями. Помните, чем закончился сеанс черной магии в столичном цирке?

Многое изменилось в нашей с вами жизни. Появились новые заманухи для тех, кто хочет быстро получить много и сразу. К примеру, можно присесть у телефона, регистрируя звонки тех, кто возжелал приобрести грибки шампиньонов...

Появились новые игры, на которых можно быстро заработать, к примеру, пейнтбол... Все это и множество других способов быстрого обогащения испробовал бывший учитель истории Виктор, но к началу пьесы, к моменту главного и рокового Искушения ни в чем не достигший успеха. Действие начинается под аккомпанемент голоса, вещающего с телеэкрана об итогах очередного раунда реалити-шоу "Последний герой", участники которого тоже хотят и денег, и славы, и уважения от своих близких...

Многое изменилось в нашей жизни, но человеческая природа осталась неизменной. Рано или поздно игроков, поставивших на кон ставку, большую, чем жизнь, попросту съедят более удачливые соплеменники. На телеэкране — некую Вику, на сцене — Виктора. Увы, победительный корень в именах их не спасает.

Причем самые болезненные, смертельные удары наносят герою пьесы самые близкие люди — жена и дочь, а также соседи.

Для пьес Александра Мардана характерно органичное сочетание, казалось бы, различных стилистических особенностей. При всей достоверности деталей, узнаваемости времени и места действия, они метафоричны и близки к притчам. Легко можно представить себе нашего современника и земляка Виктора и владельца единственного в пустыне колодца, пытающимся содрать побольше верблюдов со страдающего жаждой атамана разбойников, и французским фермером, через землю которого должна пройти будущая автострада, и...

Случается, хотя и редко, что в этом смертельном покере наступает момент, когда дело уже не в верблюдах и франках (евро!), а в кураже, который хотя бы раз в жизни настаивает каждого мужчину, даже самого последнего. Виктору, разумеется, очень хотелось бы купить дочери Кате отдельную квартиру, а супруге Людмиле — даже с видом на море, но куда важнее — доказать всем, в том числе и удачливым родственникам со стороны жены и маклеру Виталию, и всей его фирме "Атлантида", что он, во-первых, не тварь дрожащая (Достоевский), а во-вторых, играет не из денег (Пушкин). Виктор пытается как можно дороже продать строительной фирме свою двухкомнатную квартиру в "хрущевке", идущей под снос. Цена вопроса возрастает от праздника к празднику, которые мы отмечаем вместе с

этой семьей. В день серебряной свадьбы Виктору предлагают уже не 20, а 60 тысяч долларов, но он согласен принять от риэлторов не менее двухсот!

Впрочем, не исключено, что Виктор и этих действительно больших денег не взял бы... Во всяком случае, таким его почувствовал Юрий Невгамонный. Поразительным и точным диссонансом между внешней фабулой и внутренним конфликтом звучит его последний монолог в опустевшем и брошенном всеми человеческом жилище: "...И все равно — дом живой. Поскрипывает чем-то, вздыхает. Не спит. Готовится...". И вновь, в новой пьесе Мардана — удивительное сочетание двух начал — прожектера Гаева и брошенного всеми Фирса...

"Чехов нужен всем!" — эта, казалось бы, "проходная" реплика супруги Виктора Людмилы — ответственной квартиросъемщицы — много дает чуткому уху. Как и Раневская свой Вишневым сад, Павлова, вздыхающая о родовом гнезде ("Это квартира моих родителей"), первой его и предаст вместе с Фирсом, Гаевым и серыми квартирными мышками...

Внимательный читатель пьесы заметит, что постановщик спектакля привнес в список действующих лиц юношей и девушек в белом — отнюдь не врачей и не ангелов, а шагнувших с телеэкрана в сценическую жизнь участников реалити-шоу "Последний герой". Среди них, вероятно, есть и аутсайдер — съеденная племенем Вика, есть и безымянный победитель. Им же выпала роль строителей-могильщиков Дома Павлова и его последнего защитника.

Уважая право Сергея Голомазова на собственное прочтение пьесы, отмечая несомненно высокий профессионализм и столичный класс режиссера, замечу, что в его трактовке финал истории, рассказанной Александром Марданем, увы, потерял многозначность и лишил зрителей редкой и увлекательной возможности самим поразмышлять, куда же подевался Последний герой в момент, когда по его панельной крепости под дивный вальс Шостаковича вдарилась стальная стенобитная баба...

То ли в небо вознесся — к своему героическому тестю, начальнику СМУ Павлову, то ли в канализацию просочился вместе с последними мышками, то ли незаметно от строителей спустился по лестнице, вышел из дома и пошел себе по улице Тенистой или Радостной подобно герою стихотворения Даниила Хармса, и никто его больше никогда не увидит...

Фото Олега ВЛАДИМИРСКОГО.

Владимир КАТКЕВИЧ Особняк на Лагерной

(Окончание. Начало на 5-й стр.)

дом Чертлера и ушли. Пожар удалось потушить...

Часам к 11 приехали машины, но не с немцами, а опять с казаками. Один просил разрешения остановиться. Я провел его в комнаты, а он вдруг спрашивает:

— Ну что, рады приходу своих?

Я не поверил, говорили, что казаки переодеваются в красноармейцев, а потом убивают...

Радости не было конца...

Хотел у нас поселиться генерал, ему меня рекомендовали как старого большевика, но комнаты были не убраны, и адъютанту не понравились...

После таких писем тянуло в Одессу еще больше, но контр-адмирал Фадеев черкнул на рапорте: "Увольняться запрещать! Вы нужны флоту!"

— Военный совет ограничился беседой с вами, — сообщили или осадили.

Окольский же не ограничился. Уволился через год капитан-лейтенантом.

Вернулся в Одессу, в пароходстве даже раскопали карточку, а пароходов — кот наплакал. Взяли на "Красногорск", на подмену, штатный второй механик поехал в Новороссийск за метрикой. Капитану же новый второй механик глянелся, решил даже отказаться от штатного, но Окольский дорожку перебежать не привык.

— Пойдешь стармехом на "Кореиз", — пообещали в службе судового хозяйства.

— На год, не больше, — огласил он встречное желание, — а потом — на "Адмирал Ушаков".

Почему манил именно трофейный "Ушаков"? Машина там была интересная, сходящиеся поршни через гидромуфты работали на один гребной вал.

На "Ушакове" ходил до 52-го, довел старенькую машину до образцовости. Пришел из рейса, а его повестка ждалась из сталинского военкомата.

— Капитан-лейтенант запаса Окольский прибыл! — доложил, как положено. А ему:

— Уже не запаса.

— Я же был 11 месяцев в рейсе...

— Приказы не обсуждаются, а выполняются.

Поехал в Лиепая на военный судоремонтный завод старшим строителем подводных лодок, так по-флотски неуклюже обозначалась его должность. Ремонтировал подлодки всех мастей, вывел завод в передовые. В 58-м майор Окольский получил депешу от начальника военно-морских заводов страны инженера вице-адмирала Караганова, кстати, единственного в стране адмирала-инженера: "Прошу дать согласие должность нач. ПМ-96 тчк Учтите крайнюю необходимость тчк Не огорчайте отказом тчк".

Просьба начальства хуже приказа, почему и не огорчил. Ходили невероятные слухи, что вроде ПМ-26 открывает в океане ворота-аппарель, и туда проникает подводная лодка. Как в фильмах с Джеймсом Бондом. Полетел во Владивосток принимать джеймсбондовского монстра.

Очередную морскую судьбу Окольского, ПМ-96, плавамастерскую, сварганили из сегового на российскую мелку японского балкера водоизмещением в 60 тысяч тонн. В трюмах установили паровые молоты, карусельные и шлифовальные станки, в твиндеках станки помельче.

Была на ПМ-96 и своя литейка, даже якорь-цепи лили. В увеличенной надстройке должны были разместиться в походном порядке 200 рабочих-лимитчиков и 20 военнослужащих, офицеров и матросов сопровождения. На случай если придется перемещаться к театру военных действий тихоокеанского флота. Театром была записана Калифорния, известен был даже номер причала в Сан-Франциско, где монстр должен был швартоваться.

Плавучие заводские мощности Окольский содержал в боевой и производственной готовности, обеспечивал все виды ремонта, кроме докового.

Когда накопилась выслуга, пятнадцать лет "календаря" плюс война и

Камчатка, где год идет за полтора, запросился Сергей Борисович домой.

Уволился, разумеется, чтобы продолжить плавания. Еще желал завершить, наконец, образование. Когда в 50-е обращался с просьбой о восстановлении, ему говорили: "Давайте зачетную книжку". — "До войны их не было", — отвечал.

— Пишите в Среднюю Азию, где институт находился в эвакуации.

Писал. "Ваши документы готовы к отправке. Ждите", — отвечали.

Он и ждал. До 64-го. В 65-м защитился. В дипломе написали: "Поступил в 37-м... закончил в 65-м".

— Допишите: "Восстановлен в 64-м", — попросил декан, — а то неудобно.

Он образцово проплавал стармехом на разных судах до 86-го, скрывая от медиков осколок в лобной части головы. Осколка до сих пор стесняется, так же, как и приличной по нынешним ущербным понятиям пенсии с учетом ранения и беззаветной службы морской технике.

Сейчас в отчете Окольских уютно проживают другие люди, они здесь ни при чем, и, вероятно, заслужили благополучие в курортном районе. Дом и палисадник обихожены, видимо, средства позволяя. Сам же Сергей Борисович с семьей квартирует в пятиэтажке на углу улиц Космонавтов и Генерала Петрова, где в апреле этого года отметил свое 90-летие. С чем, пользуясь случаем, мы его сердечно поздравляем и желаем долгих лет жизни.

Окольский много лет хлопочет, нет, не о восстановлении исторической или фамильной справедливости, которые, кстати, гарантированы законами во многих авторитетных странах, а об организации в отчете доме музея революции. Время, понятно, не самое подходящее, и навряд ли оно вскоре забрезжит. Организацию музея революционной архитектуры пока отложили, как, впрочем, и оборудование мини-музея в помещении мореходной академии. На Дидрихсона располагался штаб Одесского оборонительного района, там командующий Приморской армией генерал Петров разрабатывал операции.

Если бессрочно откладывать воспитание на благополучное потом, то легко проворонить молодое поколение. А может, уже молодежь, наше будущее, зевнули.

Когда тяжело раненый и контуженный старший лейтенант Окольский лежал в госпитале на Мекензиевых горах, командующий Приморской армией генерал Петров и контр-адмирал Фадеев навестили раненых в подземных лазаретах Карантинной, где развинулся... 411, эвакуированный из Одессы госпиталь.

— Я даже не могу ему руку пожать, — сказал командующий Приморской армией генерал Петров. Руки у Окольского были забинтованы, голос адмирала после контузии он слышал как из-под воды.

"Республику" ШКИД все-таки экранизировали.

"Вероятно, трогательное и человеческое в картине есть, — писал А.И. Пантелеев, — иначе бы ее не ходили смотреть по 5-10 раз. И все-таки, фильм не доносит всей суровой красоты тех далеких лет, всей сложности характеров, всей многогранности быта вольнолюбивой мальчишеской республики... Жизнь "ШКИДы" на экране выглядит беднее и грубее, чем она была на самом деле".

Почти не замечаемый лет сорок (!) Пантелеев дожил до очень глубокой старости. За это время другое поколение мальчишек, никогда не видевшее "Республику ШКИД", обсмотрело сериалы "Звездных войн" и устало от войн.

Алексей Иванович Пантелеев неоднократно бывал в Одессе, проходил по Пионерской мимо дома № 9, снова не очень замечая его, шел по Кленовой через поселок "Самопоощ" к первому детскому городку имени Коминтерна. Навстречу ему попадались темнокожие офицеры в форме, слушатели командно-инженерного училища с четвертой станции Большого Фонтана.

Феликс КОХРИХТ Последний герой нашего времени

В Одесском русском театре с успехом прошел первый показ спектакля по пьесе Александра Мардана "Последний герой".

Режиссер-постановщик — Сергей Голомазов.

Художник-постановщик — Григорий Файер.

Музыкальный руководитель — Евгения Ермакова.

В ролях: Юрий Невгамонный, Ирина Надеждина, Анна Дьяченко, Семен Крупник, Валерий Апраксин, Наталья Дубровская, Татьяна Маркова.

Одна из авторских ремарок, предвещающих I-й акт, содержит следующую информацию: "Действие происходит в двухкомнатной "хрущевке", в городе, жители которого говорят по-русски".

Знаменательно, что спектакль был показан в Одессе участникам и гостям международной научно-практической конференции "Русский театр в Украине. Вопросы современной драматургии". Первыми зрителями стали руководители театров, режиссеры, ученые, критики, журналисты России, Беларуси, Польши, Болгарии, Украины. За время, прошедшее с распада СССР и социализма, выросло новое поколение режиссеров, актеров, а главное, зрителей. Многие изменились в нашей жизни — и политические, и географические границы, и социальная система, и товарно-денежные отношения, и даже пресловутый квартирный вопрос, испортивший москвичей времен появления в ней Воланда, искушавшего персонажей романа Булгакова греховными предложениями. Помните, чем закончился сеанс черной магии в столичном цирке?

Многое изменилось в нашей с вами жизни. Появились новые заманухи для тех, кто хочет быстро получить много и сразу. К примеру, можно присесть у телефона, регистрируя звонки тех, кто возжелал приобрести грибки шампиньонов...

Появились новые игры, на которых можно быстро заработать, к примеру, пейнтбол... Все это и множество других способов быстрого обогащения испробовал бывший учитель истории Виктор, но к началу пьесы, к моменту главного и рокового Искушения ни в чем не достигший успеха. Действие начинается под аккомпанемент голоса, вещающего с телеэкрана об итогах очередного раунда реалити-шоу "Последний герой", участники которого тоже хотят и денег, и славы, и уважения от своих близких...

Многое изменилось в нашей жизни, но человеческая природа осталась неизменной. Рано или поздно игроков, поставивших на кон ставку, большую, чем жизнь, попросту съедят более удачливые соплеменники. На телеэкране — некую Вику, на сцене — Виктора. Увы, победительный корень в именах их не спасает.

Причем самые болезненные, смертельные удары наносят герою пьесы самые близкие люди — жена и дочь, а также соседи.

Для пьес Александра Мардана характерно органичное сочетание, казалось бы, различных стилистических особенностей. При всей достоверности деталей, узнаваемости времени и места действия, они метафоричны и близки к притчам. Легко можно представить себе нашего современника и земляка Виктора и владельца единственного в пустыне колодца, пытающимся содрать побольше верблюдов со страдающего жаждой атамана разбойников, и французским фермером, через землю которого должна пройти будущая автострада, и...

Случается, хотя и редко, что в этом смертельном покере наступает момент, когда дело уже не в верблюдах и франках (евро!), а в кураже, который хотя бы раз в жизни настаивает каждого мужчину, даже самого последнего. Виктору, разумеется, очень хотелось бы купить дочери Кате отдельную квартиру, а супруге Людмиле — даже с видом на море, но куда важнее — доказать всем, в том числе и удачливым родственникам со стороны жены и маклеру Виталию, и всей его фирме "Атлантида", что он, во-первых, не тварь дрожащая (Достоевский), а во-вторых, играет не из денег (Пушкин). Виктор пытается как можно дороже продать строительной фирме свою двухкомнатную квартиру в "хрущевке", идущей под снос. Цена вопроса возрастает от праздника к празднику, которые мы отмечаем вместе с

этой семьей. В день серебряной свадьбы Виктору предлагают уже не 20, а 60 тысяч долларов, но он согласен принять от риэлторов не менее двухсот!

Впрочем, не исключено, что Виктор и этих действительно больших денег не взял бы... Во всяком случае, таким его почувствовал Юрий Невгамонный. Поразительным и точным диссонансом между внешней фабулой и внутренним конфликтом звучит его последний монолог в опустевшем и брошенном всеми человеческом жилище: "...И все равно — дом живой. Поскрипывает чем-то, вздыхает. Не спит. Готовится...". И вновь, в новой пьесе Мардана — удивительное сочетание двух начал — прожектера Гаева и брошенного всеми Фирса...

"Чехов нужен всем!" — эта, казалось бы, "проходная" реплика супруги Виктора Людмилы — ответственной квартиросъемщицы — много дает чуткому уху. Как и Раневская свой Вишневым сад, Павлова, вздыхающая о родовом гнезде ("Это квартира моих родителей"), первой его и предаст вместе с Фирсом, Гаевым и серыми квартирными мышками...

Внимательный читатель пьесы заметит, что постановщик спектакля привнес в список действующих лиц юношей и девушек в белом — отнюдь не врачей и не ангелов, а шагнувших с телеэкрана в сценическую жизнь участников реалити-шоу "Последний герой". Среди них, вероятно, есть и аутсайдер — съеденная племенем Вика, есть и безымянный победитель. Им же выпала роль строителя-могильщиков Дома Павлова и его последнего защитника.

Уважая право Сергея Голомазова на собственное прочтение пьесы, отмечая несомненно высокий профессионализм и столичный класс режиссера, замечу, что в его трактовке финал истории, рассказанной Александром Марданем, увы, потерял многозначность и лишил зрителей редкой и увлекательной возможности самим поразмышлять, куда же подевался Последний герой в момент, когда по его панельной крепости под дивный вальс Шостаковича вдарилась стальная стенобитная баба...

То ли в небо вознесся — к своему героическому тестю, начальнику СМУ Павлову, то ли в канализацию просочился вместе с последними мышками, то ли незаметно от строителей спустился по лестнице, вышел из дома и пошел себе по улице Тенистой или Радостной подобно герою стихотворения Даниила Хармса, и никто его больше никогда не увидит...

Фото Олега ВЛАДИМИРСКОГО.

Виолетта СКЛЯР

Взгляд на Одессу с близкого расстояния

Одесская действительность взломала традиции московского литературного журнала "Октябрь" — и появилась книжечка седьмого в этом году номера с силуэтом Дюка и подзаголовком "Литература одного города". Впервые в истории "толстых" российских журналов появился выпуск, посвященный конкретному городу, да еще и не находящемуся в России. Роль неумолимой действительности исполнила поэтесса и прозаик Ольга Ильническая, в 1982 году впервые переступившая порог редакции журнала "Октябрь", за все годы своего существования сделавшего только четыре публикации одесских писателей, в основном относящихся к двадцатым годам. Ольга мечтала увидеть свои стихи опубликованными в этом журнале (мечта, кстати, до сих пор не сбылась), но еще в большей степени ей, одесситке, обосновавшейся в Москве, хотелось предоставить возможность широко заявить о себе своим землякам, большинству из которых так и не оторвались от родных корней.

В номер вошли прозаические произведения Ильиницкой: подборка миниатюрных рассказов-эссе "Прогулка вдоль обморока", созданных действительно на грани потери сознания, когда "дихотомия жизни и смерти отпускает" и многое видится по-особому. Нельзя назвать эти рассказы "одесскими", ведь местом действия Одесса не является, но составители номера и не стремились придирчиво следить за тем, чтобы герои произведений обретались исключительно на углу Дерибасовской и Ришельевской. Предисловие редакция комментирует этот факт: "Но есть эта общая точка приложения вдохновения — Город, где как бы замкнута дуга высокого вселенского напряжения. Так что, если действие иного рассказа или стихотворения и происходит не в Одессе... оно все равно происходит в Одессе!".

Необходимо все же сделать некоторые пояснения относительно предыстории появления одесского номера. В 2004 году журнал "Октябрь" совместно с одесской фирмой "Укрферри" осуществил проект под названием "Шелковый путь поэзии". Тогда в Одессу из Москвы приехали литераторы, провели мастер-класс с молодыми одесскими поэтами и прозаиками, а затем все вместе отправились в Грузию, где также прошли большие вечера поэзии. Побывав в нашем городе, редактор журнала "Октябрь" Ирина Барметова заинтересовалась "литературной столицей", и настолько, что даже решила в 2005 году специальный номер посвятить актуальной литературе одного города.

В процессе сбора материалов стало ясно: всю обычную структуру и даже верстку журнала придется изменить. Проза легко и свободно чередуется со стихами, а также с эссе "из литературного наследия" (а куда же без них?), и все это на удивление легко читается. Восемнадцать поэтов и тридцать эссеистов и прозаиков — неужели так много? И все настолько интересно? Вот именно. Лицом к лицу лица не увидать. Впрочем, идей редколлегии как раз и было создать номер, представляющий собой взгляд на Одессу с близкого расстояния, но не без выхода в межзвездные пространства. Украшающий по-

следнюю страницу снимок Одессы, сделанный из космоса, переключается с названием знаменитой киносаги Стэнли Кубрика "Космическая Одиссея — 2001", и не случайно рядом расположены портреты Дерibasа, Ришелье и Воронцова (к теме Одиссеи и Одиссея мы еще вернемся)...

Одесская мэрия финансировала издание и выход тысячи номеров "Октября" для одесситов. Презентация одесского номера, состоявшаяся в День города, 2 сентября, в Золотом зале Литературного музея, превратилась в устный выпуск журнала, где успела выступить едва ли треть авторов. За рамками презентационных выступлений, естественно, осталось много интересного. Но могло ли быть иначе? Иные "докладчики" вполне могли бы прочесть длинную, хотя и, безусловно, увлекательную лекцию, выходящую за временные рамки презентации.

На самом деле между Одессой и гомеровской "Одиссеей" (оставим пока в покое Стэнли Кубрика) существует весьма правдоподобная связь, которой и посвящен очерк док-

себе силы не становится москвичом, петербуржцем или ньюйоркцем (кстати процитировать одно из изречений Валерия Хаита, приведенное в журнале: "Киевлянин — это одессит, не доехавший до Москвы"). Прославленный московский театальный режиссер Михаил Левитин в своем эссе "Я — одессит" заявляет: "Я родился в Одессе абсолютно всем, что я есть. Я ничего нигде не приобрел, нигде. Ничто меня не изменило. В этом смысле я самый консервативный из одесситов. Меня ничто не изменило, и я не знаю, что нового прибавилось в моей жизни. Одесса, она одна со мной". Чуть выше он говорит о том, что в Одессе волшебнее только детство, а с годами каждый родившийся здесь начинает видеть в ней всего лишь провинцию, пусть и любимую. Что на это ответишь, когда уже сказано: "Да, в империи, у моря, в эмпиреях..."

Евгений Голубовский приглашает к погружению не просто в море, а в "Море Юрия Егорова", не обозначенное ни на одной карте мира. Это море, которое "осталось лишь на

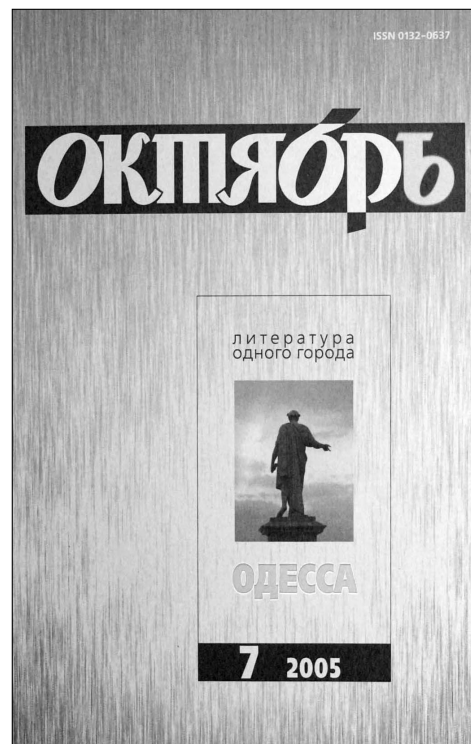
тора исторических наук Андрея Добролюбо-ского "Одиссея" Иосифа де-Рибаса", в кото-ром убедительно прослеживается путь вы-ходца из Неаполя, одного из фаворитов Ека-терины Великой, к основанию города, где каждому будет хорошо. В хорошо оснащен-ном доказательствами материале убедитель-но рассказана история хитроумного Одиссея, сумевшего увековечить свое имя, придав ему женский род в честь любимой бо-гини-государыни. Вот и говорите после это-го, будто миром правят деньги, а не чувства!

В каждом одессите есть что-то от Одиссея, странника и хитреца. Даже в том, кто нашел в

десятиках картин, запечатлевших его знойным летом и пасмурной осенью, всегда напряженное, как струна, изогнувшееся под собственной тяжестью, плотное настолько, что лодки и корабли живут в нем своей, особой жизнью. И только бесконечная надежда, только бесконечная отмашка флажками — "Скоро отправляемся". Море, которое возникает на холстах художника с той же неотвратимой периодичностью, что и новые погубы у дерева. Море, которое всегда с нами.

Увы, кое-что нам уже не сыскать. "Каталог памяти", составленный Валентиной Голубовской и Феликсом Кохрихом, проводит своеобразную ревизию утерянного современными одесситами: биндюжники на подводах, извозчики на бричках, баня Исаковича, зельтерская вода, ситро, папиросы "Дели" и "Герцеговина Флор", прозвища "жиртрест" и "шкиля-макарона", имена Адольф, Сара, Элла, Эмма, Фрида, Роза; ткани шевит, маркизет, мадаполам, батист и сатин. "Одесскую периодическую систему" можно продолжать и дальше, остается надеяться, что авторами "Каталога памяти", историками и краеведами будут бережно сохранены все "химические элементы" любого периода жизни нашего города.

Особой радостью оказались новеллы Александра Бахраха о писателях Семене Юшкевиче и Исааке Бабеле, взятые из книги "По памяти". По записям. Литпортреты", вышедшей в Париже четверть века тому назад. Ведь еще совсем недавно (по историческим меркам десятилетие — малая величина) прозаик и драматург Юшкевич был таким же позабытым "элементом", как ныне маркизет вкупе с мадаполамом. Даже многочисленные "знатоки" его творчества не могли бегло отличить пьесу от прозаического произведения, причем, что вплоть до отъезда в 1920 году в Париж Семена Соломоновича преследовала бешеная популярность в масштабах всей России. Благодаря Бахраху возвращено еще несколько мгновений жизни Юшкевича в

эмиграции, грустный финал угасания вдали от родной Одессы. Что же касается новеллы о Бабеле, то она представляет неожиданный взгляд на автора "Конармии" как на эстетски утонченного и очень западного в пристрастии к французской литературное писателя.

Эссе Алены Яворской "Ах, Александр Сердцевич..." посвящено старшему брату Ильи Ильфа, Сандро Фазини, художнику, фотографу, поэту. "В Одессе его называли кубистом, в Париже — сюрреалистом. В галерее Вавен-Распай висели рядом работы Фазини и Пикассо", — пишет Алена Яворская, дополняя эссе письмами Сандро из семейного архива Александры Ильф.

Конечно же, одесский номер не мог обойтись без произведений Михаила Жванецкого. Собственно, с них он и начинается. Его рассказы "Я забираю крик обратно", "Шестидесятникам", "Распространение марксизма" решены, как и всегда, в разговорном ключе, без строго продуманного сюжета. Таким же образом написаны и "Эпистолярная повесть" Игоря Божко и рассказ Юрия Макарова "Это сладкое слово обиды". Государственные границы проходят через души близких людей — мысль, возможно, и не новая, зато талантливо воплощаемая обоими авторами и уж никак не устаревшая.

"Откуда тихий свет и чистота?" — вопрошает поэтесса Тина Арсеньева. Ей словно вторит Юлия Петрусевич: "Я ишу не слова — у бормочущей сонно воды / Я ишу голоса, я ишу их живые следы". А вот прелестные строки Ефима Ярошевского:

Мне кажется: на теплых камнях города
лежит моя голова.

Она осталась здесь...
Дышит, смотрит в листву, грезит —
послевоенным летом, детством,
клеточком свежей воды из-под крана,
югом, мокрой галькой моря,
облаками над Хаджибеем,
книгами юности,
нашими надеждами, музыкой —
отшелушившейся молодостью...

Что ж, у каждого представленного в номере поэта имеется свой личный "каталог памяти". А одесскими любителями поэзии в такой каталог, увы, давно занесен поэт Юрий Михайлик, живущий в Австралии. К счастью, одесский номер дарит радость встречи с семью шедеврами стихотворениями поэта.

От одесских писателей традиционно ждуть чего-то светлого, оптимистичного. Не вполне таковы минорные по тональности рассказы Олега Губаря "Невпопад" и "Вашингтон". Первые рецензенты даже сравнили эти мрачные тексты с "неосветленным соком горьких яблок жизни, без сахара и консервантов". Горькое бывает и вкусным! А печаль — необязательно светлой. Эссе того же автора "Ведь мы играем не из денег?" посвящено теме карточной игры вообще и карточным забавам Пушкина в частности (во время пребывания поэта в Одессе немало было сыграно ломберных партий с Сикаром, Ризичем и другими высокопоставленными знакомцами). Настроение читателя, растроганного до слез рассказами Губаря, повышается. Гармония во всем — вот по какому принципу выстраивался одесский номер "Октября". И чем тратить время на пересказ его содержания в газетной статье, лучше прочесть все собственными глазами. Искренне рекомендую!

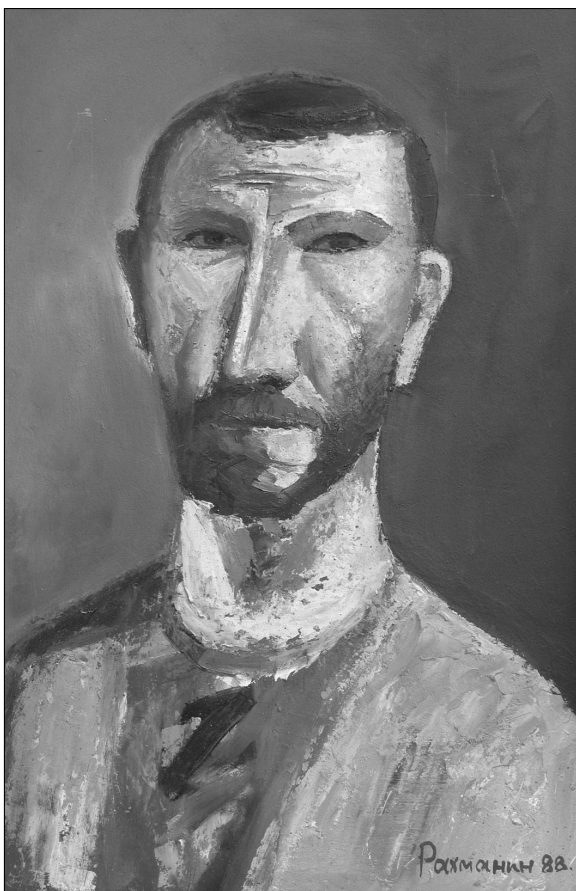
На фото Олега ВЛАДИМИРСКОГО:
обложка журнала.

На фото Константина ИЛЬНИЦКОГО:
Ирина Барметова и Евгений Голубовский
представляют одесский номер;
Золотой зал во время презентации
был переполнен.

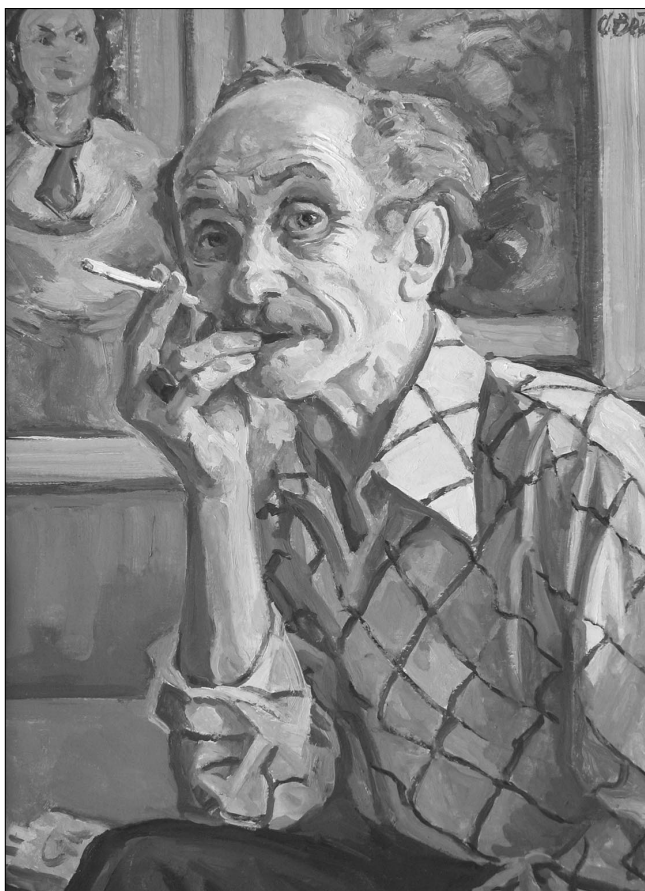
ПОРТРЕТЫ

В Одесском художественном музее состоялась выставка портретов одесских художников, хранящихся в запасниках.

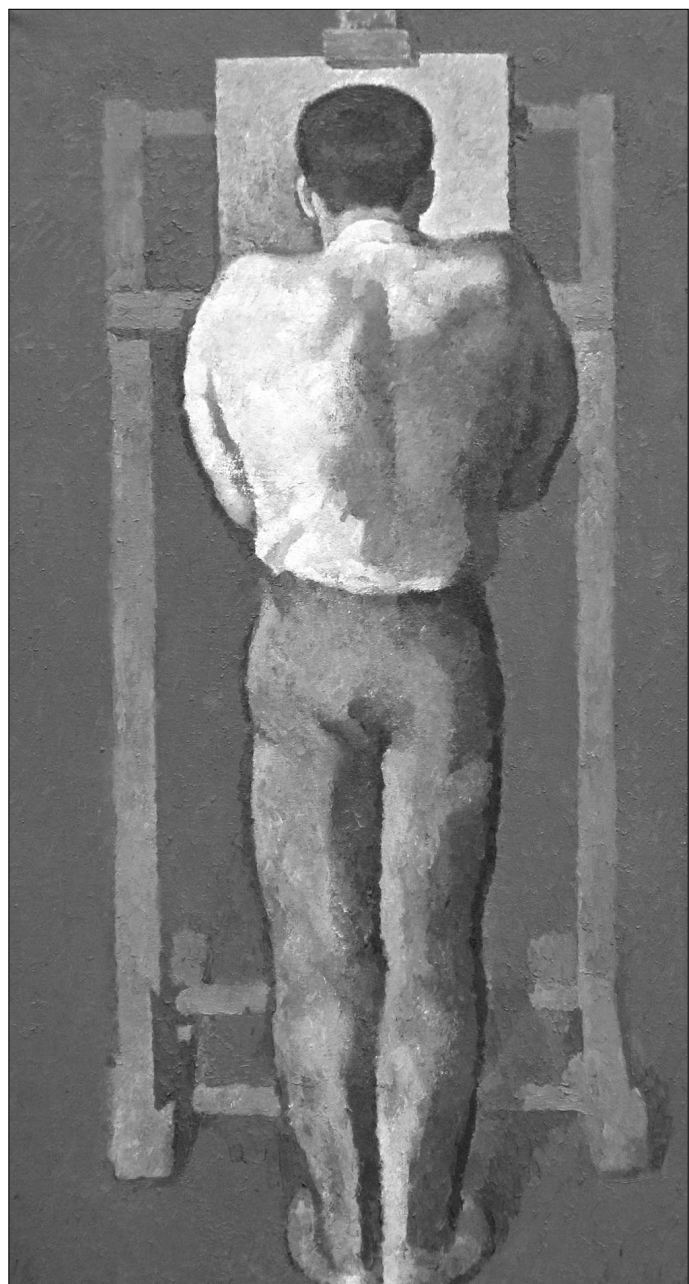
Фоторепродукции Бориса Ладыженского.

Е. Рахманин. Автопортрет

А. Векслер. Портрет художника М. Леншнера

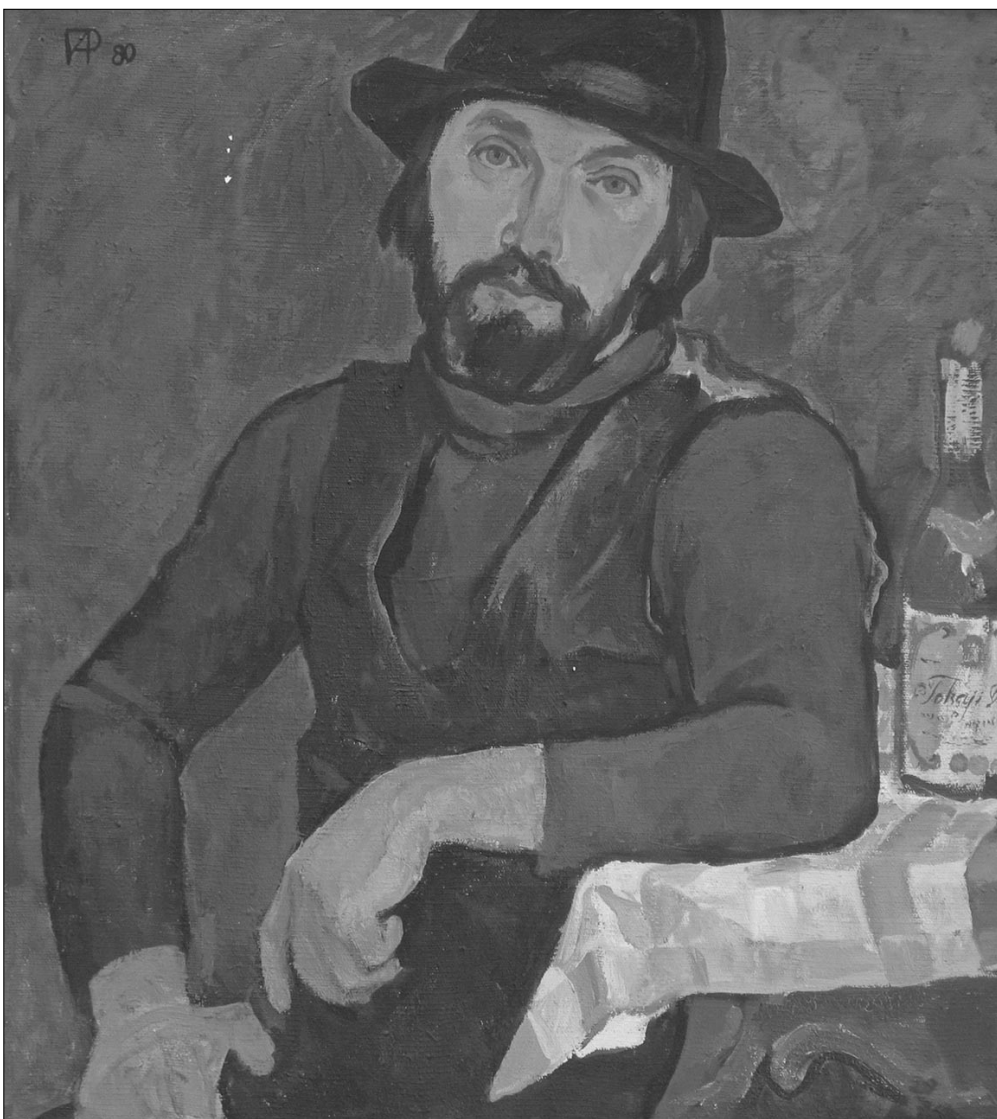
А. Фрейдин. В мастерской. Автопортрет

Г. Крижевский. Портрет Е. Запороженко

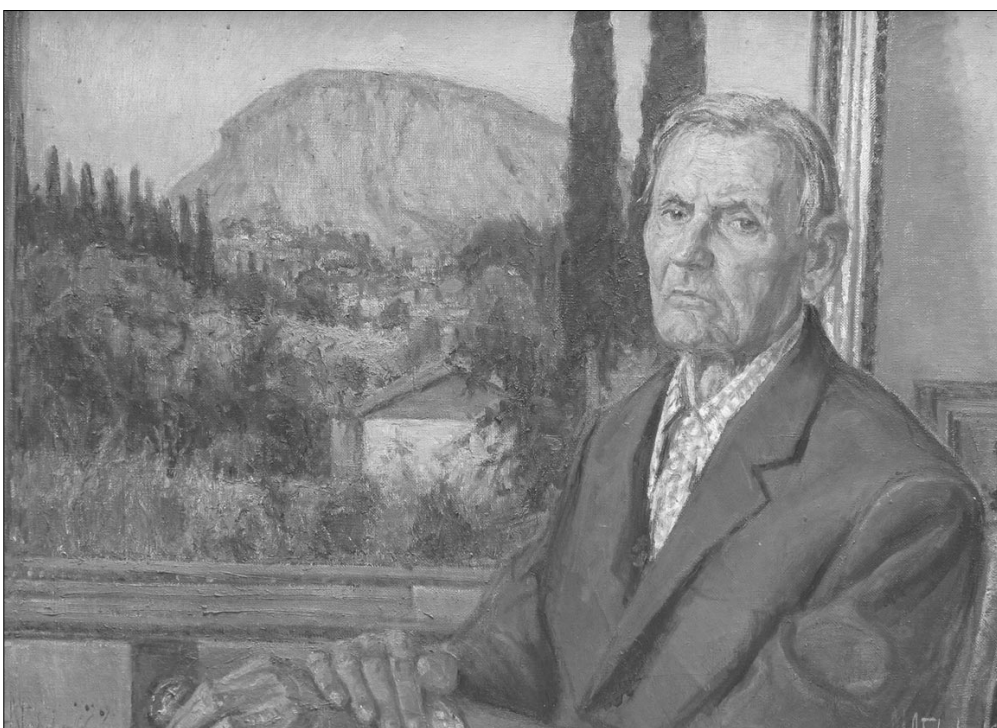
А. Фрейдин. Портрет А. Галкера

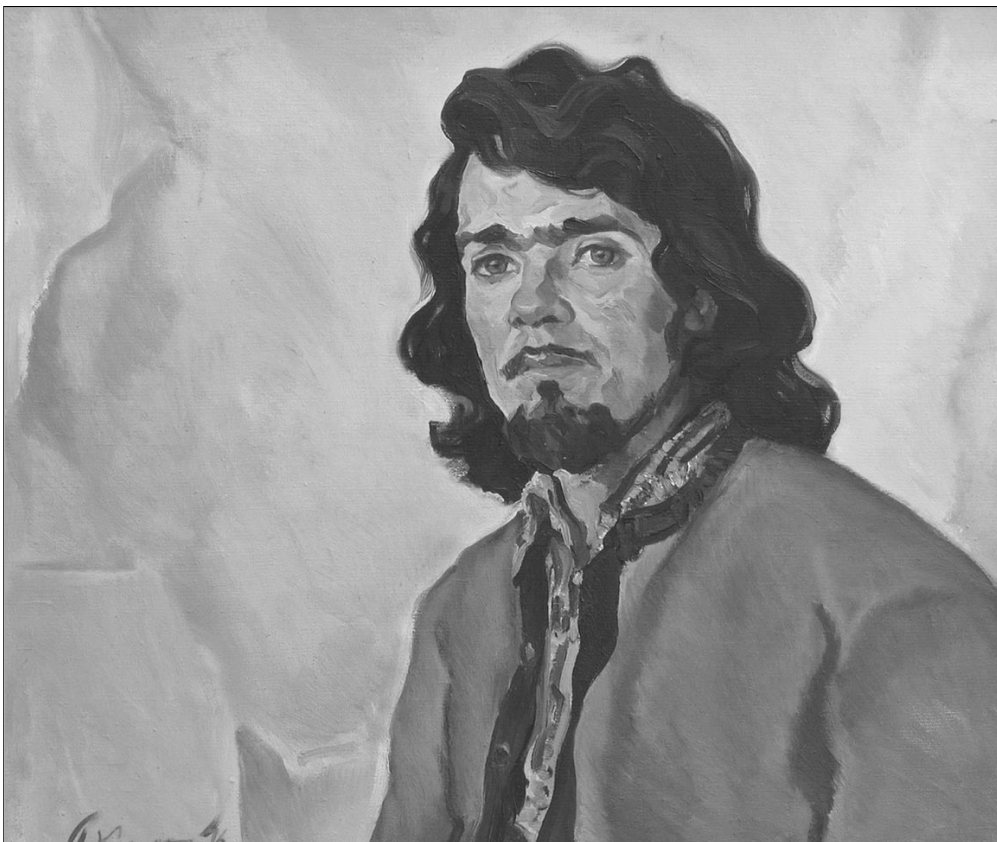
Г. Гармидер. Автопортрет

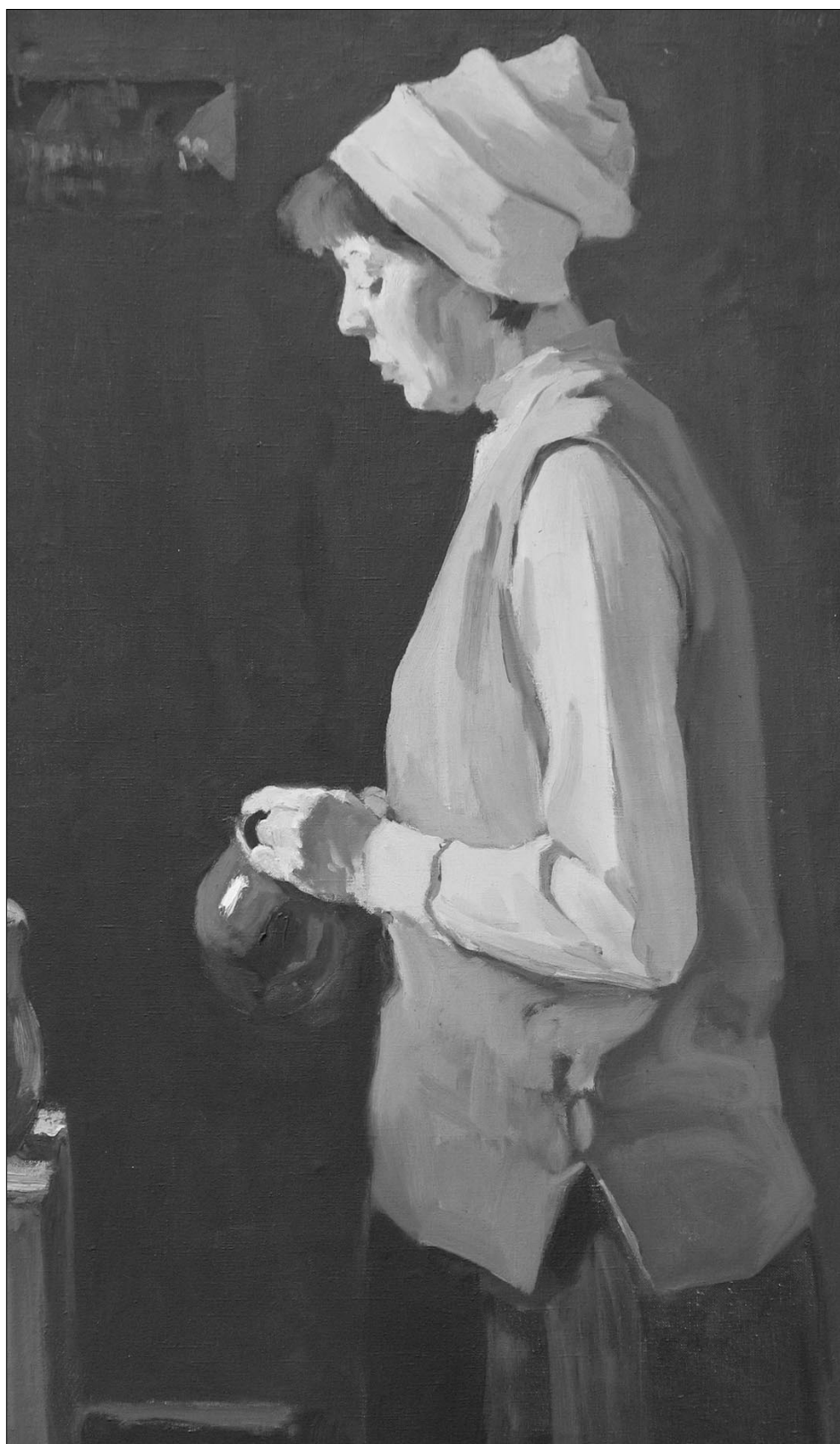
А. Ацманчук. Портрет художницы О. Токаревой

А. Гавдзинский. Портрет художника В. Синицкого

Г. Крижевский. Портрет художника С. Божия

А. Лихолёт. Портрет художницы Л. Фурдыгаило

Гениальный чиновник

Есть старая филологическая примета — чем ближе к югу, тем больше пушкиноведы любят графа (или по позднейшему титулу — князя) Михаила Семеновича Воронцова. Из этого вовсе не следует, что они меньше любят Пушкина. Нет, просто они понимают, как много сделал Новороссийский и Бессарабский генерал-губернатор для края в целом и для Одессы в частности. Возможно, им приходит в голову и крамольная мысль о том, что юный гений вел себя, мягко говоря, некорректно. Не говоря уж о достаточно обидной и несправедливой эпиграмме на Воронцова, можно было бы и поработать немного. Впрочем, согласно тем же филологическим легендам, Воронцов хохотал чуть ли не до слез, читая отчет молодого нахала о командировке на саранчу, и добавлял, что в остальных многотомных и многословных отчетах говорилось, в сущности, о том же.

Гениям все прощается. Но тогда, может, стоит сказать и о том, что Воронцов был гениальным чиновником (или, как модно говорить сейчас, управленцем). Поручали ему должности самые неблагодарные — и часто отзывали прежде, чем он мог пожать заслуженный успех. Окончательная победа России в Кавказской войне связана с именем А.И. Барятинского, но без того, что сделал Воронцов, победа эта была бы невозможна. Сам Барятинский признавался: "Мне досталась жатва Воронцовского посева".

У кого-то его имя связано с войной 1812 года, у кого-то — с эпиграммой Пушкина, а для кого-то — Воронцов просто памятник на Соборке.

Краткое и неполное описание его карьеры выглядит примерно так. Участник Кавказской войны с 1803 года, русско-персидской, русско-пруско-французской войны. Отечественная война 1812 года: Мир, Романов, Смоленск, Шевардино, Бородино. Затем Гросс-Беерен, Денневиц, Лейпциг, Кассель, Краон. Новороссийский генерал-губернатор и наместник Бессарабии. Русско-турецкая война: взятие Варны; снова Кавказ.

Начальник, впервые в истории русской армии отменивший телесные наказания в своем корпусе. Граф, на свои деньги в течение двух лет содержавший госпиталь, в котором лечились до 300 солдат и 50 офицеров. Глава российского оккупационного корпуса, из собственных средств оплативший долги русских офицеров. Завоеватель, получивший медаль за гуманное обращение с жителями от французов. Один из авторов записки о необходимости отмены крепостного права в России.

Кавалер российских, французских, британских, австрийских, шведских, прусских, сардинских, греческих, турецких орденов.

Современники описали историю символическую: во время одного из боев на Кавказе зимой 1804 года юный поручик лейб-гвардии Преображенского полка граф Воронцов потерял компас. Спустя тридцать лет компас это был найден на убитом лезгине и в 1837 году передан в Одессу. По воспоминаниям, Воронцов не расставался с этим компасом и постоянно носил его при себе, как напоминание о начале военной карьеры.

Письма человека — и частные, и официальные — позволяют лучше его понять. Дружеское письмо графа Воронцова недавно возвращенному из опалы М. Сперанскому и официальные письма главнокомандующего Отдельным Кавказским корпусом и наместника на Кавказе князя М. Воронцова о судьбе Хаджи-Мурата.

Письма публикуются с сохранением стилистики и пунктуации оригинала.

Алена ЯВОРСКАЯ.

**Письмо графа М.С. Воронцова
М.М. Сперанскому
28 мая 1823 г. С. Петербург**

Милостивый государь Михайло Михайлович! К крайнему моему сожалению, заехал я в дом вашего превосходительства вчера, возвращаясь с каменного острова в 10 часов, т. е. полчаса после отъезда вашего.

Я желал лично отдать вам приложенный маршрут и еще старался уговорить вас по одному расположить поездку вашу. По сей дороге вы увидите лучшую часть Киевской губернии, край не уступающий красотой и часто богатством лучшим частям Европы и совершенно различный со смежною частью той же губернии. Дальше вы увидите губернский город Екатеринослав, проехав славные по делам малороссийских и запорожских казаков города Черкассы и Чигирин, дальше вы увидите главный днепровский порог (Неназытинской), губернский город Херсон, где похоронен основатель Новороссийского края князь Потемкин; Николаев, столица Черноморского флота и по стараниям Грейга удивительно подвижающийся вперед, и потом Одессу. По сей дороге вы увидите (тут уже мой интерес) два имения наши: в Киевской губернии Мошны, красивые Днепром, лесами и горами, а в Херсонской губернии — Новую Воронцовку, куда от июня 1822 до апреля 1823-го переселилось 2.000 душ, все охотники, по собственному желанию и на собственном иждивении.

Письмо сие, может, будет в Чернигове еще прежде вас, мы же скоро за оным вслед будем, и тогда я на словах повторю уверения того истинного почтения и совершенной преданности, с коими остаюсь вашего превосходительства покорнейший слуга.

Журнал "Русская старина", май 1903.

**Письмо князя М.С. Воронцова
к князю А.И. Чернышеву
20 декабря 1851 г.
(Перевод с французского)**

Я не писал вам с последней почтой, любезный князь, желая сперва решить, что мы сделаем с Хаджи-Муратом, и чувствуя себя 2, 3 дня не совсем здоровым. В моем последнем письме я извещал вас о прибытии сюда Хаджи-Мурата: он приехал в Тифлис 8-го; на следующий день я познакомился с ним и дней 8 или 9 говорил с ним и обдумывал, что он может сделать для нас впоследствии, а особенно, что нам делать с ним теперь, так очень сильно заботится о судьбе своего семейства и говорит со всеми знаками полной откровенности, что пока его

семейство в руках Шамиля, он парализован и не в силах услужить нам и доказать свою благодарность за ласковый прием и прощение, которое ему оказали. Незнание, в которой он находится на счет дорогих ему osób, вызывает в нем лихорадочное состояние, и лица, назначенные мною, чтобы жить с ним здесь, уверяют меня, что он не спит по ночам, почти что ничего не ест, постоянно молится и только просит позволения покатавшись верхом с несколькими казаками — единственное для него возможное развлечение и движение, необходимые вследствие долголетней привычки. Каждый день он приходил ко мне узнать, имею ли я какие-нибудь известия о его семействе, и просить меня, чтобы я велел собрать на наших различных линиях всех пленных, которые находятся в нашем распоряжении, чтобы предложить их Шамилю для обмена, к чему он прибавит немного денег. Есть люди, которые ему дадут их для этого. Он мне все повторял: "Спасите мое семейство и потом дайте мне возможность услужить вам (лучше всего на лезгинской линии, по его мнению) и если по истечении месяца я не окажу вам большой услуги, накажите меня, как сочтете нужным". Я ему ответил, что все это мне кажется весьма справедливым и что у нас найдется даже много лиц, которые не поверили бы ему, если бы его семейство оставалось в горах, а не у нас в качестве залога; что я сделаю все возможное для сбора на наших границах пленных и что не имея права, по нашим уставам, дать ему денег для выкупа в прибавку к тем, которые он достанет сам, я, может быть, найду другие средства помочь ему. После этого я ему сказал откровенно мое мнение о том, что Шамиль ни в каком случае не выдаст ему семейства, что он, быть может, прямо объявит ему это, обещает полное прощение и прежние должности, погрозит, если он не вернется, погубит его мать, жену и шестерых детей; я спросил его, может ли он сказать откровенно, что бы он сделал, если бы получил такое объяснение Шамиля? Хаджи-Мурат поднял глаза и руки к небу и сказал мне, что все в руках Бога, но что он никогда не отдаст в руки своему врагу, потому что он вполне уверен, что Шамиль его не простит, и что он бы тогда недолго остался в живых. Что касается истребления его семейства, то он не думает, что Шамиль поступит так легкомысленно, во-первых, чтобы не сделать его врагом еще отчаяннее и опаснее, а во-вторых, есть в Дагестане множество лиц, очень даже влиятельных, которые отговорят его от этого; наконец, он повторил мне несколько раз, что такая бы ни была воля Бога для бу-

дущего, но что его теперь занимает только мысль о выкупе семейства, что он умоляет меня во имя Бога помочь ему и позволить ему вернуться в окрестности Чечни, где бы он через посредство и с дозволения наших начальников мог иметь сношения с семейством своим, постоянные известия о его настоящем положении и о средствах освободить его; что многие лица и даже некоторые наибы в этой части неприятельской страны более или менее привязаны к нему; что во всем этом населении, уже покоренном русскими или нейтральном, ему легко будет иметь, с нашей помощью, сношения, очень полезные для достижения цели, преследовавшей его днем и ночью, исполнение которой так его успокоит и даст ему возможность действовать для нашей пользы и заслужить наше доверие. Он просит отослать его опять в Грозную с конвоем из 20 или 30 отважных казаков, которые бы служили ему для защиты от врагов, а нам для ручательства в истине высказываемых им намерений.

Вы поймете, любезный князь, что все это очень озадачило меня, так как что ни сделай, большая ответственность лежит на мне. Было бы в высшей степени неосторожно вполне доверять ему; но если бы мы хотели отнять у него средство для бегства, то мы должны были бы запереть его; а это, по моему мнению, было бы и несправедливо и не политично. Такая мера, известие о которой скоро распространилось бы

по всему Дагестану, очень повредила бы нам там, отнимая охоту у всех тех (а их много), которые готовы идти более или менее открыто против Шамиля и которые так интересуются положением у нас самого храброго и предпримчивого помощника имама, увидевшего себя принужденным отдаться в наши руки; раз что мы поступили бы с Хаджи-Муратом как с пленным, весь благоприятный эффект его измены Шамилю пропал бы для нас. Поэтому я думаю, что не мог поступить иначе, как я поступил, чувствуя, однако, что можно будет обвинить меня в большой ошибке, если бы вздумалось Хаджи-Мурату уйти снова. В службе и в таких запутанных делах трудно — чтобы не сказать невозможно — идти по одной прямой дороге, не рискуя ошибиться и не принимая на себя ответственности. Но раз дорога кажется прямою, надо идти по ней. Будь что будь. Прошу вас, любезный князь, повергнуть это на рассмотрение Его Величеству Государю Императору и я буду счастлив, если августейший наш повелитель соизволит одобрить мой поступок. Все, что я вам писал выше, я также написал генералам Завадовскому и Козловскому, для непосредственных сношений Козловского с Хаджи-Муратом, которого я предупредил о том, что он без одобрения последнего ничего сделать и никуда выехать не может. Я ему объявил, что для нас даже лучше, если он будет выезжать с нашим конвоем, а то Шамиль станет разглашать, что мы держим Хаджи-Мурата взаперти: но при этом я взял с него обещание, что он никогда не поедет в Воздвиженское, так как мой сын, которому он сперва сдался и которого он считает своим кунаком (приятелем), не начальник этого места, и могли бы произойти недоразумения (неприятности); впрочем, Воздвиженское слишком близко от многочисленного враждебного нам населения, между тем как для сношений, которые он желает иметь со своими поверенными, Грозная удобна во всех отношениях. Кроме двадцати избранных казаков, которые по его же просьбе ни на шаг не отстанут от него, я послал с ним ротмистра Лорис-Меликова [граф Михаил Тариелович Лорис-Меликов], достойного, отличного и очень умного офицера, говорящего по-татарски, знающего хорошо Хаджи-Мурата, который, кажется, тоже вполне доверяет ему. 10 дней, которые Хаджи-Мурат провел здесь, он, впрочем, жил в одном доме с подполковником князем Тархановым, начальником Шушенского уезда, находящимся здесь по делам службы; это истинно достойный человек и я ему вполне доверяю; он также заслужил доверие Хаджи-Мурата, и через него одного, так как он отлично говорит по-татарски, мы рассуждали о самых деликатных и секретных делах. Я советовался с Тархановым насчет Хаджи-Мурата, и он совершенно согласился со мною в том, что или следовало поступить, как я поступил, или заключить Хаджи-Мурата в тюрьму и сторожить его со всеми возможными строгими мерами, потому что уж раз обращаться с ним худо — его нелегко стеречь, или же удалить его совсем из страны. Но эти две последние меры не только бы уничтожили бы всю выгоду, вытекающую для нас из ссоры между Хаджи-Муратом и Шамилем, но приостановили бы неизбежно всякое развитие ропота и возможности возмущения горцев против власти Шамиля. Князь Тарханов мне сказал, что сам уверен в правдивости Хаджи-Мурата и что Хаджи-Мурат не сомневается в том, что Шамиль его никогда не простит и велит казнить, несмотря на обещанное прощение; единственная вещь, которая могла озаботить Тарханова в его сношениях с Хаджи-Муратом, это его привязанность к своей религии, и он не скрывает, что Шамилю можно будет действовать на него с этой стороны; но, как я уже говорил выше, он никогда не убедит Хаджи-Мурата в том, что не лишит его жизни или сейчас, или спустя несколько времени после его возвращения. Вот все, любезный князь, что я хотел вам сказать насчет этого интересного эпизода здешних дел.

**К управляющему военным министерством князю В.А. Долгорукову
Коджоры. 14-26 августа 1852 г.**

Когда я писал князю Чернышеву о происшествии с Хаджи-Муратом, я говорил о том, что надеюсь собрать несколько рассказов об этом достопримечательном человеке, которые, может быть, будут признаны достойными поднесения нашему августейшему повелителю. Теперь, любезный князь, я посылаю вам маленькое описание политической и военной жизни Хаджи-Мурата, диктованное большей частью им самим ротмистру Лорис-Меликову, бывшему часто у него во время его пребывания здесь, и к которому Хаджи-Мурат, так же, как и к князю Тарханову, наблюдавшему за ним в первое время, питал положительное уважение и даже любовь. Это сочинение нельзя было прислать раньше, потому что ротмистр Лорис-Меликов, которому попечение о Хаджи-Мурате не помешало принять блистательное участие в зимней экспедиции, скоро после того заболел довольно серьезно, почему я и вынужден был передать надзор за Хаджи-Муратом другому; может быть, дела приняли бы другой оборот, если бы он остался под надзором Лорис-Меликова. Мне кажется, впрочем, что смерть Хаджи-Мурата, в том виде, как она случилась, для нас есть счастье, если бы даже его последние намерения были другие. Этот неустранимый человек был обоюдоострая шпага, которая могла бы сделать затруднительною для нас. Мы бы никак не могли вполне верить ему, пока его семейство оставалось в руках Шамиля, и даже если бы это семейство было освобождено, властолюбие, честолюбие Хаджи-Мурата стесняли бы нас требованиями, которых мы не могли бы удовлетворить. Все, что мы слышали от горцев со времени его смерти, а особенно, что мы узнали во время последних происшествий на лезгинской линии, доказывает, каким большим влиянием и уважением Хаджи-Мурат пользовался в Дагестане. Это, конечно, была главная причина ненависти, которую питал к нему в последнее время Шамиль.

Имам, задавший династическими предположениями, знал, что многие из самых важных людей покорялись лишь неохотно и со скрытыми мыслями таким претензиям; он знал, что особенно Хаджи-Мурат никогда не покорится подобным затеям, и как только что случится с самим Шамилем, то он сам будет главою открытого восстания против будущей власти сына Шамиля.

Хаджи-Мурат, действительно, был замечательный человек, смелости, можно сказать, безумной, не знающий страха, вместе с тем имевший много природной хитрости, совершенное знание Дагестана и множество приверженцев между всеми этими различными племенами, особенно в Аварии, где он давно был действительным начальником. Его ненависть к Даниелю-Беку была глубокая; он его, впрочем, презирал как воина и гнушался им. Говоря, что он плохой мусульманин и что он мюрид только ради Шамиля и на глазах его. Собственные религиозные убеждения Хаджи-Мурата были искренние и стали бы затруднением для нас впоследствии. Между тем он в те 5 месяцев, которые провел у нас, увидел и вполне убедился в нашей веротерпимости и в сравнительно высшем положении мухамедан, находящихся под нашей властью, нежели тех, которые находятся под деспотизмом Шамиля. Во всяком случае, Шамиль потерял в нем лучшего воина, лучшее орудие для всех трудных и отважных экспедиций и единственного, пользовавшегося в высокой степени уважением и доверием тех сил, которые им собирает волей-неволей для действий против нас. Поэтому я вас прошу, любезный князь, поднести нашему августейшему повелителю это маленькое описание, действительно интересное, как очерк жизни, полный приключений и постоянных опасностей. <...>

"Русская старина", 1881 год.

P.S. И несколько слов о справедливости — в возрожденный Собор будут перенесены останки М.С. Воронцова и Е.К. Воронцовой. Они найдут упокоение там, где и были захоронены.

Скульптор Б.В. Эдуардс

"Что такое скульптура? Это песня без слов, это чистейшее олицетворение того или другого символа, это настроение, заключенное в бессмертный мрамор". Это цитата из хвалебной статьи в одной из ведущих одесских газет конца XIX века, посвященной 15-летию творческой деятельности известного в России скульптора — одессита Бориса Васильевича Эдуардса.

Скульптор не раз выставлял свои работы на коллективных и персональных выставках в родном городе, за рубежом — в Лондоне, активно участвовал в петербургских академических выставках. Его работы восторженно встречали зрители, получали положительные оценки критиков. В 1888 году Академия художеств присвоила Эдуардсу за представленные на выставку скульптуры звание классного художника. Некоторые работы маститого скульптора нашли отражение на открытках, изданных в Одессе и в Санкт-Петербурге.

Наибольшую популярность Борису Васильевичу принес небольшой мраморный бюст мальчика в газетной треуголке — "Шурка", представленный на академической выставке в Петербурге в 1890 году. Среди зрителей выставки распространился сочиненный кем-то незатейливый стишок, посвященный "Шурке":

"Милая фигурка
В колпаке бумажном,
Смотрит юный Шурка
Генералом важным..."

Мраморный Шурка своей чарующей лукавой улыбкой украшает сейчас один из залов Одесского художественного музея. Эдуардсу пришлось выполнить огромное количество копий своей жизнеутверждающей работы, которые разошлись по всей России и попали за рубеж.

Эдуардсу принадлежит множество прекрасных портретных бюстов известных деятелей науки и культуры, также принесших автору всероссийскую известность: профессора истории искусств Н.П. Кондакова, архитектора А.А. Люикса, пианистки А.Н.Есиповой, художника-мариниста Р.Г. Судковского, матери знаменитого пианиста Антона Рубинштейна — К.Х. Рубинштейн, известного бактериолога профессора Луи Пастера и др. Это ранние портреты мастера. Позднее, в 900-х годах, он выполняет новую серию портретов: выдающегося русского писателя И.А. Бунина, "короля российских фельетонов" журналиста Власа Дорошевича, своего учителя по Одесской рисовальной школе скульптора Л.Д. Иорини и других известных людей, так или иначе связанных с Одессой. Поразительное внешнее сходство, индивидуальность и характерность каждого образа и, наконец, высокое мастерство исполнения портретов привлекали зрителей конца XIX века и вызывают к себе интерес 100 лет спустя.

Выдающимся мастером-психологом проявил себя скульптор при создании интереснейших жанровых композиций.

В 1896 году он представляет на суд одесских и петербургских зрителей композицию на религиозную тему под названием "Слава в вышних Богу!", над которой трудился шесть лет. Восхваление Богу как будто поет стройный хор сонма ангелов, барельефно изображенных в верхней части скульптуры. На первом плане — фигура молодой девушки-христианки, осужденной за свою веру на смерть. Божественные голоса облегчают мученическую кончину девушки. Борис Васильевич сумел в этой исторической композиции передать состояние небывалого религиозного экстаза. Скульптура настолько понравилась столичной публике, что было решено приобрести ее для Музея императора Александра III в Петербурге, где она находится и поныне.

На одной из открыток показан общий вид скульптуры, на другой — эскиз — голова девушки, выполненная в лучших традициях портретов Эдуардса.

К религиозной теме следует отнести и другой скульптурный портрет, названный "Пророк Моисей". Лицо мудрого Моисея необычайно выразительно, скульптор показал работу мысли, переживания своего героя.

Названием другой известной скульптуры Эдуардса "Жизнь невеселая..." взяты строчки из стихотворения русского поэта XIX века И.С. Никитина, ставшего романсом:

"Жизнь невеселая, жизнь одинокая,
Жизнь бесприютная, жизнь терпеливая,
Жизнь, как осенняя ночь молчаливая, —
Горько она, моя бедная, шла
И как степной огонек замерла".

Другое название скульптуры — "Больной". Композиция этой работы очень проста: женщина у постели безнадежно больного, умирающего, молодого еще человека — ее мужа. Скульптор сумел показать величайшее

человеческое страдание, отразить сложное душевное состояние на измученном лице мужчины. Лица женщины не видно, но вся ее фигура, ее спина как бы поникла под тяжестью свалившегося на нее горя.

"Жизнь невеселая..." производила очень сильное впечатление на зрителей — на обороте фотооткрытки рукой неизвестной посетительницы выставки, где экспонировалась скульптура, написано: "Посылаю тебе эту открытку, на ней изображена одна из выдающихся вещей выставки. Работа скульптора Эдуардса 'Больной'; эта группа приковывает к себе зрителя и производит потрясающее впечатление; долго и у меня оставалась перед глазами. Жаль ужасно, что здесь не видна правая рука больного, она художественно исполнена, видна каждая жилочка".

Скульптура находится в Николаевском художественном музее.

"Шурка"

Екатерина II

Не менее интересны другие жанровые композиции Эдуардса: "Нежданные вести", "Утешение", в которых он со свойственной ему достоверностью передает необъятную гамму человеческих чувств.

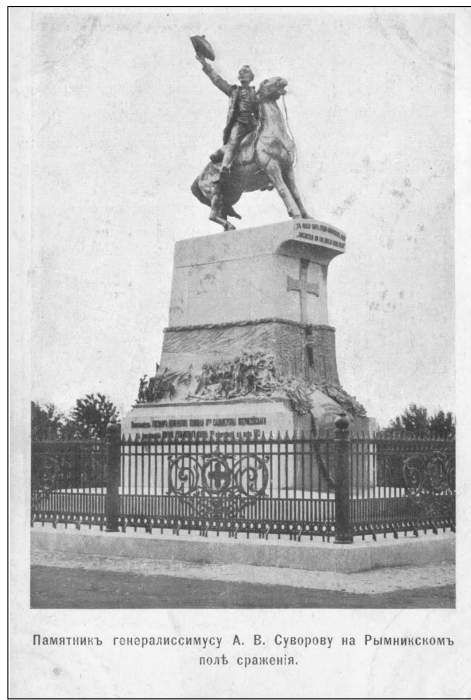
На открытке показана мастерская Бориса Васильевича, в которой расставлены его скульптуры. Сам мастер стоит перед своим детищем — конным памятником Генералиссимусу А.В. Суворову для Рымнико-го поля в Румынии, о чем речь пойдет позднее. Мастерская Эдуардса находилась в его собственном доме в Одессе, в Софиевском переулке, соединяющем Публичную библиотеку на Херсонской улице и Музей изящных искусств на Софиевской. На заднем плане открытки различимы макеты многих работ скульптора.

Ранние скульптуры Эдуардса были выполнены в гипсе и глине, а позднее переведены им в мрамор. Заинтересовавшись бронзовым литьем, скульптор уехал работать инкогнито на фабрики Франции и Италии, переимав мастерство тамошних литейщиков. Результатом поездки стало открытие в Одессе в том же помещении собственной бронзо-

во-литейной мастерской, которую владелец гордо именует заводом. В "Новороссийском альманахе" за 1896 год Эдуардс поместил рекламу своего ателье: "Б.В. Эдуардс. Художник-скульптор. Первый на юге России художественно-бронзо-литейный завод. Первое на юге России ателье художественной и промышленно-художественной скульптуры".

Деловая хватка, унаследованная от английских предков-предпринимателей, обогатившихся в начале XIX в. на юге России, не подвела скульптора. Его мастерская получает множество престижных заказов, в ней изготавливаются монументальные памятники Екатерине II в Одессе и Екатеринодаре (Краснодаре).

В эти же годы Б.В. Эдуардс создает памятники инженеру А.М. Полю в Кривом Роге, слависту В.И. Григоровичу в Елисаветграде (Кировограде), доктору Э.С. Андреевскому

А. Суворов

Суворову в уменьшенном виде были установлены в Суворовском музее в Петербурге и в Суворовском кадетском корпусе в Варшаве.

Однако наиболее значимой монументальной скульптурой в творчестве Эдуардса является второй памятник Генералиссимусу А.В. Суворову для Рымнико-го поля в Румынии.

Идея памятника заключалась в известных словах выдающегося русского военачальника, с которыми он обращался к своим героическим соратникам под Кинбурном, Измаилом, Рымником, в Италии, Швейцарии: "Мы — россияне. С нами Бог. Вперед, чудо-богатыри! Ура!!!".

Суворов изваян на своем донском скакуне, который служил ему во всех походах; стоя в стремнах, с треуголкой в руке, он дает знак войскам для решительной атаки. Конная группа была установлена на высоком пьедестале из финского камня.

Памятник был торжественно открыт 6 ноября 1913 года вблизи местечка Пленешты на Рымнико-м поле в Румынии как символ победы российских войск над превосходящими силами турок. Однако суждено было недолгой жизнью — бронзовая конная фигура была вывезена фашистами в неизвестном направлении во время второй мировой войны.

Сразу после открытия памятника на Рымнико-м поле Борис Васильевич получил заказ на изготовление такого же монумента в Измаиле. Скульптор повторил конный памятник А.В. Суворову, но дополнил его барельефами, отражающими моменты взятия крепости Измаил войсками прославленного полководца.

Судьба этого памятника необычна и прочно связана с политическими событиями, происходившими в Причерноморье. В течение 40 лет прекрасный монумент не мог занять предназначенного ему места на главной площади Измаила. Первая мировая война приостановила работу над установкой памятника, выполненного скульптором в 1913 году. После войны Бессарабия отошла к Румынии, и только после того как эти земли стали советскими, снова встал вопрос об установлении памятника Генералиссимусу Суворову в Измаиле. Все эти годы монументальная скульптура находилась во дворе бывшей мастерской Эдуардса.

В это время о судьбе памятника написал с присущим ему одесским юмором известный писатель Лев Славин в статье "Одесские гасконцы", напечатанной в газете "Вечерняя Москва" в 1929 году.

"Самый большой памятник в Одессе — фельдмаршал Суворов на коне, помещающийся во дворе жилтоварищества № 7 по Софиевскому переулку. Гигантский конь скачет, распутив по ветру бронзовый хвост, что представляет немалое неудобство для домашних хозяек, просушивающих на хвосте белье. Безумное лицо фельдмаршала задрано к небесам, в огромных глазищах ласточки выют гнезда, древо победоносного знамени украшено отличной радиоантенной... Он причиняет немало огорчений домоуправлению, ибо не поддается никаким законам об оплате жилплощади, включая сюда целевой сбор и коммунальные услуги. Не платит, да и только".

Через некоторое время памятник был перенесен на более почетное место — перед зданием Одесского художественного музея. Прекрасный памятник и прекрасный музей архитектурно плохо гармонировали друг с другом. Только в 1954 году "бездомный" Суворов обрел, наконец, свое законное место и стал украшением города Измаила на юге Одесской области.

Суворовские памятники значительно приумножили известность одесского скульптора, и в 1915 году он был признан академиком скульптуры.

В советские времена имя Б.В. Эдуардса было предано забвению в связи с тем, что в 1919 году скульптор позволил себе эмигрировать, не приняв идей большевизма. Последние годы жизни он провел на Мальте, где и скончался в 1924 году на 64 году жизни.

Но жизнь творческого человека не кончается после физической смерти, ведь продолжают жить своей жизнью его "детища" — скульптуры в различных музеях и частных коллекциях и памятники на площадях. В этом смысле скульптору повезло: время, войны и революция пощадили большинство его работ. Даже вылитый в мастерской Эдуардса памятник Екатерине II в Одессе, снесенный в 1920 году согласно декретам советской власти об уничтожении памятников "царской семье и их приспешникам", волею судеб не был переплавлен, а, разобраный по частям, украшает в наши дни уютный дворик Одесского краеведческого музея. Удачливым человеком был обрусевший англичанин, одессит, академик скульптуры Борис Васильевич Эдуардс.

Анатолий ДРОЗДОВСКИЙ,
Одесса.

Юля ПЕТРУСЕВИЧЮТЕ

А когда налетели грачи, мы надели шинели
И легли на асфальт, прикрывая прорехи на теле,
Утепляя пространство собой, укрывая от неба
Ржавый глиняный ломоть сухого пайкового хлеба.
Мы дрались с червяками за корку, за теплую норку,
Пили в черной горсти разведенную белую хлорку
И носили шинели всемирного серого братства,
Изнывая от страха, учили себя не бояться.
Изнывая от холода, грели себя как умели,
А шинели-мишени держали прицел на пределе,
Там, где видимость меркнет до самого края вселенной.
Только вечный асфальт обладал пустотой неизменной.

А дом качался на ветру
И хлопал крыльями, взлетая,
Кружила в небе крыш крикливых стая
И кто-то шел по гулкому двору,
По обнаженным лестницам наверх
Взбегал он, как по трапу самолета,
И двери в пустоту вели кого-то,
И окна раскрывались как орех,
И в сердцевину этой синевы
Нырлял какой-то он
Скворцом в пальтишке,
А город, рот раскрыв,
Глядел мальчишкой
Все вверх роняя шапку с головы.

И кузнечик сидел на подушке, конек-горбунок
Ерзал ножками, дергал усами, надкрыльями щелкал,
И настойчиво звал за собой, и потряхивал челкой,
И в прерывистом ржании слышался тихий упрек.
Вмерзли плечи в нetaющий лед голубой простыни,
И со снежной подушки никак не поднять головы.
Ходят по полу синие тени у самой земли,
И моргает пугливо ночник у дежурной сестры.
Ночь стоит за окном, или день — мой конек, подсажи.
Слишком тесно деревья сплелись — никакого просвета.
Мне на целую жизнь бы хватило солдатского хлеба,
Только как оно будет по-вашему — "целая жизнь"?

Перед сожжением прочти
Сухие листья. Ты почти
Забыл язык земного лета,
И пригородный поезд вез
Тебя с планеты на планету
В открытый космос, полный звезд.

Туда, где солнце и светила
Влечет безудержная сила
Навстречу полной немоте,
Где время на куски разбито,
И каждой каличной звезде
Своя начертана орбита.

Ты был один, и ты забыл,
Кто направляет бег светил.
Но тут к тебе пришел кузнечик,
Беспечный кум степной травы,
Июньской армии разведчик,
Царевич лета, брат молвы,

Запрыгнул в комнату, бродяга,
И зазвенел, и затрещал,
А с ним ввалилась дней ватага,
Ощерясь тучей медных жал,
Ватага пестрая, хмельная,
Вломилась, мутный сон сминая.

И ты очнулся. Над тобой
Смеялось бешеное лето,
И где-то в берег бил прибой,
И жизнь была сама собой,
Сама себе была ответом.

И брат кузнечик говорил
С Тем, Кто расчислил бег светил.

А потом на осенние улицы вышла война
И пошла тротуарами, пачкая вывески пеплом
Пахло гарью, и город беспомощным стал и нелепым,
Как старуха процентщица, выжившая из ума,
Как старушка, монетки считает да ждет барышей,
Все пустые коробки прячет, тесемки, бумажки,
Пожелтевшие прячет в комодик рубашки
И не видит резвящихся в мелочной лавке мышей.
Город жил суетою мышиной, спецвыпуски грыз,
По зачумленным улицам шмыгал и прятался в норку,
И разбрасывал дворник в подъездах вонючую хлорку
По приказу властей, чтобы город избавить от крыс.

А дни идут потоком черной крови,
И сердце не справляется вздохом.
Белеет лоб. Между бровей вразлет
Чернеет лед. И коченеет в слове.
И все, что есть — дыхание и свет.
Коснись губами — воздух осязаем,
Свет льется, как вода. Коснись губами —
И догадываешься, что жизнь и есть ответ
На лед небытия застылых слов,

На пустоту в груди, на боль и муть.
Всего-то ничего — сумей вдохнуть
И смой со лба запекшуюся кровь.

Возьми в подарок горсть моей земли,
Где змеи спят в корнях полыни горькой,
Где соль спеклась на солнце твердой коркой
И где видны следы копыт в пыли.
Возьми в подарок и губами тронь,
И отзовется жарким медным звоном,
Чтоб гул пошел над полуднем каленым,
По рыжим травам — слышишь? — рыжий конь.
Не подковать, не оседлать коня,
Глядеть во все глаза, не шевелиться,
Как в искрах по степи летит жар-птица.
Дарю ее тебе. Она твоя.

Смотри — твоя свобода над костром
Танцует девочкой в дырявом красном платье,
Не зная власти азбучных понятий,
В огне беспечно пляшет босиком.
На углях, в искрах, в пляшущем дыму
Смеется, руки тонкие раскинув.
Ты был счастливым. Ты рожден счастливым.
Не просишь ни о чем, не должен никому.
Тебе кузнечик брат, и ветер, и огонь,
По крови и по солнечной науке.
И если ты к огню протянешь руки —
Живой водой наполнится ладонь.

Если не думать о холоде ночью, сойдя с поезда
Где-то в степи на станции, помни, что лесополосы
Слишком полны деревьями, как города — деталями.
Нужная степень абстракции располагается далее.
Так вот, как было предложено, ночью выйди из поезда.
Рельсы лежат по касательной к шару, в иной плоскости.
Ты же сверяй направление с внутренним компасом
космосом.

Двигайся самым неправильным и нелогичным образом.

Прочь от станции, к чертовым
Выселкам, в поле, в белое,
Видимое отчетливо,
Полотно онемелое.
Прямо от рельсов, в черное
Небо, снегом забитое.

Тысячу раз перечеркнутое
белым метеоритом.
Шитое белыми нитками,
Битое черными птицами,
В белой больнице выпитое
Черными пчелами шприцами.
Там, в пустоте и холоде...
Впрочем, забудь о холоде.
Холод в такой ситуации
Вроде обмотки в проводе.
Ночью, уйдя от станции,
Предохраняйся холодом
В абсолютном пространственном
Коконе, внутрь разомкнутом.
Так в темноту крошечную
Ты уходи от станции.
Может, крылья прорежутся.
Может, тело отвалится.
Главное — в небе замершем
Все, что о поле вымершем
Ты до сих пор не узнал еще,
В эти часы отыщешь ты.
Только вот не расскажешь
И не поделишься опытом
Через полгода в стоявшем
Снеге. Окна захлопнуты.

И вот уже время готовится в самоубийцы,
И память сжигает синопсис, кромсая страницы,
Летят черно-белые птицы, строка за столицей,
И пламени отсвет багровый ложится на лица.

Я был твоим вечным врагом, быстротечное время,
А нынче склоняю колени — продолжи течение,

Стекай и секундами капай в студеную Лету,
Но не отдавай нас во власть неживому моменту.

Не здесь и сейчас, а тогда и потом жили старые были
И мы были в них, и они нас в себе сохранили
Детьми и ключами, и тайной и явью, былью
И повестью временных лет, и дорожною пылью.

Мы не исчезли, мы ушли в траву
Мы напоили кровью эти камни
Мы к сыновьям приходим наяву
Чтоб снова становиться сыновьями

Мы алчно пьем горячий ветер дня
Вгрызаемся в распаханную землю
И сыновей рождает нам земля
И нашей плотью прорастает семя

Вернуться к ней и защитит, спасти
И долюбить ее, и дать ей имя
Расти большой, мой Телемак, расти
Мой лук натянут стрелами твоими

О песчинке; о том, из чего состоят времена;
О ветвях и корнях; о бессмертии капли воды;
Об огне, о золе; о рождении новой беды,
О вселенной, которой ты должен найти имена,
А потом о свободе, и только о ней — до конца,
О пространстве внутри, о земле, о дороге и доме,
О реке, о твоих лошадях, о скрипучем пароме,
О свободе, ты слышишь, от первого, слышишь, лица.

А вы и не знали, что мокрое дерево пахнет ванилью
А вы и не нюхали доски садовых качелей
Кто бегал с грохочущим обручем старой аллеей
Догнал свою пулю давно и рассыпался пылью
Но грохот железного обруча все еще слышен
И пахнет ванилью доска, пьет улитка из лужи
А топот и смех из аллеи все тише и глуше
И пятна на белой матроске от вишен, от вишен

На смуглые ноги — плетение пестрых сандалий
На сильное тело — льняные прохладные складки
По выжженным травам бегом — по песку без оглядки
Без тени сомнений на голос — ты слышишь, — позвали
Откуда-то с моря, а может, окликнули сверху
Пронзительным голосом сокола, россыпью звонов
Крылом поманили, струну одинокую тронув
Крылом поманили, и струны ответили смехом
И вот мы бежим по песку и хохочем, а рядом
Летит и хохочет, песка не касаясь ногами,
Крылатая девочка, солнечный ветер и пламя
Крылатая девочка с темным всевидящим взглядом

Поэт проходит городом как миром
И тротуары переходит вброд
Бегут стада машин, а он идет,
Идет в Аид за Эвридикой милой

Заходит в гастрономы, во дворы
В подъезды, коридоры, двери, двери
Насквозь, навывлет, напролет, и верит
Что соблюдает правила игры

Что тьма вот-вот отдаст родную тень
И тень оденется любимой плотью
И босиком пройдет по мелководью
Из полумрака в белый-белый день

Темный путь и колючей воды равнодушная гладь
Не пытайся простить, а старайся хотя бы понять
Это лес, это жало ветвей, это черный прибой
Это молча кружит над тобой, над твоей головой
Это хлопает крыльями, ухает, гонит во тьму
Обнимает, ласкает и шепчет тебе одному
Это только твое, как младенческий сон, как испуг
Как слепые касания жадных внимательных рук
Под холодной водой скрыто имя, и пламя, и боль
Ты укрыт с головой, на ресницах не снег и не соль
На ресницах песок из разбитых песочных часов
Ты отпущен на волю, прощай, сладких снов, сладких снов

Пути перепутаны, травами тропы увиты
Пойдешь напрямик — поведет по кривой на круги
На древнее поле какой-то неведомой битвы
Где спят вмеремешку обнявшись свои и враги

Пути перепутать, свести за околицу, лесом
С мешком и ауком направить в другие края
Укроннее лисьей норы за незримой завесой
Упрятать следы и приметы тепла и жилья

Хвостом заметая сухие осенние листья
Я дом обвожу заколдованным кругом теней
И лес вырастает, и шкурка лукавая лисья
Осенним листком затеряется в чаще теней.

Олег ГУБАРЬ

Сказ о нас, или Наше всё универсальный киносценарий в прилагательных

Дом кошкін. Князь Мышкин. Утро раннее. Сон сурковий. Будильник чирикающий. Глазки рачьи. Шаг черепаший. Кашель лающий. Санузел совмещенный. Бачок урчащий. Зеркало кривое. Подбородок двойной. Одеяло тройной. Воспоминания смутные: "Застолье дружеское? Поведение свинское?" Вопрос риторический. Ответ однозначный. Замечание уместное. Холодильник пустой. Аппетит волчий. Завтрак легкий. Погода мерзкая. Холод собачий.

Дождь проливной. Зонтик рыбкин. Тролейбус переполненный. Молвь людская. Топ конский. Уши ослиные. Глаз орлиный (орел двуглавый). Рык львиный. Зубы лошадиные. Клык моржовый. Слово меткое — дорога проторенная. Дом казенный. Подъезд парадный. Размышления праздные. Лестница мраморная. Вахтер сонный. Начальник тупой. Бухгалтер опытный. Секретарша многоопытная. Зарплата символическая. Работа любимая. Труд мартышкин.

Беготня мышья. Перерыв обеденный. Переход подземный. Мечта заветная. Такси муниципальное. Уголок уютный. Уют валютный. Тёлка крутая. Бабочка ночная. Веер китайский. Ковер персидский (б/у). Коньяк французский (фальсифицированный?). Водка столичная. Килька томатная (отечественная!). Клюква развесистая. Музыка вечная. Озеро лебединое. Трели соловьиные. Язык птичий. Вальс собачий. Свадьба собачья. Режим постельный. Одеало верб-

люжье. Прыжок затыжной. Кровать скрипучая. Страсть могучая кипучая никем небедимая. Счастье большое человеческое. Прощанье долгое. Дети кукушкины. Сыны сукины. Дочь капитанская. Слезы крокоди-льи. Друг верный. Верность лебединая. Услуга медвежья. Мерзавец редкий. Петух гамбургский. Измена коварная. Рога оленьи. Следы человечьи. Шкура овечья. Взгляд приветный. Удар ответный. Скандал кассетный. Печать офсетная.

Пробуждение томительное. Время послеобеденное. Разочарование жестокое. (Шутка издевательская. Каламбур непристойный. Невинность оскорбленная.) Работа любимая... Труд мартышкин. Беготня мышья. Бухгалтер опытный. Зарплата символическая. Начальник тупой. Вахтер сонный. Лестница мраморная. Тролейбус переполненный. Дорога проторенная. Одеяло тройной. Утро раннее...

Юрий СКРОЦКИЙ

Одесса издаലെка

Когда-то мне приснился сон: я приехал в Киев и рассматривал его с одесского балкона в безлюдной серости...

Читая у Конан-Дойля "Союз рыжих", я запомнил почему-то описание безлюдного сквера на задворках Пикадилли...

И были еще стихи Суинберна "Покинутый сад". Там тоже было безлюдно, и хотя построек не было, мне показалось, что над шумящим серым морем там подразумевается стена...

И во всем этом общим была какая-то ритмичность. Что-то правильно, но редко повторялось. Это во-первых. А во-вторых, это что-то не было извилистым, не имело узоров, а было прямым, неопределенного серо-

желтого цвета. И оно завораживало. Отсутствие человека было условным. Т. е. его не было с этой стороны стен. Но он мог бы быть. Суинберн пишет, что цветы не сомнет ничья неосторожная нога. Значит, могла бы. Весь смысл в том и заключался, что все происходило именно с внешней стороны, а не за стенами. И это происходящее трудно было уловить, но происходило оно несомненно. Поэтому отсутствие человека тоже было тем, что происходило.

Так вот. Бульжная мостовая выходила из-под моего балкона на Конной, № 6, и с обеих сторон заканчивалась спусками. Получалось так, что дом с балконом находился на вершине выпуклости, облицованной камнем. Стены с окнами на другой

стороне улицы были тихими, с многочисленными черточками на серо-желтом фоне. Я не мог видеть людей, но из потрескавшегося асфальта тянулись маленькие деревья, и между бульжниками пробивалась сорная трава.

Мне казалось, что если бы черточки собрались в пучки, то очевидно, сначала бы возникли тени людей, автомобилей, чего-то еще. А потом тени стали бы выпуклыми и обрели бы движение и еще звук. Но сейчас жили сами стены и окна, бульжники на мостовой. А вот деревья и сорная трава были неживыми, но необходимыми.

Балкон был очень широк и его пол тоже немного выгибался. Я потрогал перила и посмотрел на руки. Они были в пыли, которая скопилась в

трещинках дерева, но теплый металлический пол был чист. Я подошел к правому краю и попытался увидеть, куда сползает улица. Она уходила вниз так круто, что можно было видеть только крыши нижних домов на уровне закрутившегося спуска, выложенного бульжной чешуей. Мне было интересно, что там дальше, и я перешагнул через перила и пошел по теплой стене, стараясь не наступить на окованные стекла. Все окна и даже форточки, несмотря на жару, были закрыты. Осторожно обходя их, я подошел к тротуару и вышел на середину бульжной мостовой. Все вокруг было симметрично и повторялось в жестком чарующем ритме. Каждая линия, однажды начавшись, не могла уже исчезнуть и продолжала жить самостоятельно, бесконечно делясь. Это деление и было тем самым ритмом, который меня завораживал, но мне никак не удавалось увидеть его начало.

Я шел очень долго и, наконец, оглянулся. За мной не было ничего. Это я сразу хорошо понял, но это "ничего" внешне было таким, как ес-

ли б я куда-то не уходил. Казалось, шел не я. Под моими ногами передвигалась чешуйчатая спина выпуклой бульжной мостовой, а над головой двигались балконы. Я опять вошел на свой балкон и осматрелся. Все было тем же. Даже то место, где я снял пыль с перил. По-прежнему блуждали черточки. И тогда я вдруг подумал, что единственно живой здесь это я. Стараясь убедиться в этом, я начал ощупывать себя, желая отграничиться от окружающего, неживого. Я внимательно вглядывался в свои руки, ноги. От сильного напряжения зарябило в глазах, и все стало разбегаться в разные стороны. Чем больше я старался определиться, тем скорее растворялся в рассеянном свете, наполненном черточками. Когда я полностью превратился в черточки и исчез, я увидел, что все черточки начали группироваться и приобретать некое невыразимое значение. Понимание этого было мгновенным, и я почувствовал, что обрел нечто самое главное...

С. Петербург

Ефим ЯРОШЕВСКИЙ

Если бы мой урок вел Виктор Шкловский

Опыт пародии

...Мы приходили в гости к Пушкину, приносили с собой неостывший монтаж "Броненосца Потемкина". Пушкин понимал все. Понял бы и это. Кинематографическое видение молодого, тогда еще худощавого Эйзенштейна было ему раскрыто на два века вперед... За спиной поэта были две главы "Онегина", кое-какие стихи. Хотя до Болдина было еще далеко.

Гроссман, как всегда, ночевал в Императорской библиотеке. Спал на столах, питался бутербродами и думал о Достоевском... Тынников жил тогда в Петербурге, который еще не стал Петроградом.

Ленинград хорошо помнил Пушкина. Петр Первый приходил к Неве, долго смотрел в карело-финскую воду. Ему мерещилось будущее, оснащенная фрегатами Россия, убегающий из Полтавы Карл...

Маяковский жил тогда в Одессе, носил желтую кофту, бережно держал монокль в глазу у Бурлюка и тревожно писал свое "Облако". Никто не помогал ему.

Гении всегда голодают. Маяковский был гением. Бурлюк слишком много знал о живописи. Он вообще слишком много знал и поэтому почти не умел рисовать. Зато прекрасно рисовал Пушкин. Такое впечатление, что он подглядывал рисунки Нади Рушевой. Сходство поразительное. Но все было как раз наоборот: история повторяется, не повторяясь.

Мы были молоды, жизнь была впереди. Горд лежал перед нами, как только что разрезанный, дымящийся на солнце торт...

Ласточки по диагонали пересекали палевое небо на улице Жуковского, где позднее выстрелил в себя великий поэт. Здесь я отвлекся: неожиданно в мою прозу вошел высокий элегантный филолог в старорежимной бороде и в чеховском пенсне — теперь уже всему миру известный Бодуэн де Куртене...

И тут же вышел.

Маяковский заканчивал тогда свою "флейту", которую назвал почему-то позвоночником. Куртене говорил о синтаксисе Гоголя. Шершневич, я и Осип Максимович слушали его рассеянно....

За окном нас ждала революция.

Кстати, о синтаксисе. Оказывается, синтаксиса в жизни женщин почти нет. Есть морфология. Может быть, даже одна физиология. Но до этого я не добрался. Аля жила в Париже. Москва была далеко. Я с трудом писал свою прозу в чужом, неудобном Берлине.

Лифшиц был прав: берлинские притоны никуда не годились. Там негде было даже поставить машинку. А писать очень хотелось. Письма в Париж шли нескоро. Начиналась весна...

Однажды мне чуть не позвонил из Парижа Всеволод Иванов. Был еще другой Иванов — Вячеслав. Но об этом в другой раз...

Помню песню, которую в юности пел Татлин — в школе живописи, ваяния и зодчества. Там были слова:

"На углу стоит аптека.
Любовь глохнет человека..."

Ее содержание поразило меня. Но послушаем лучше Стендаля. Или нет — Мопассана.

Лучше Мопассана.

Мопассан знал о них (о женщинах) все. Или почти все. Все знал Толстой. Но не сказал. Жаль. Иначе статьи Луначарского о нем были бы совсем другие... В искусстве время необратимо. Как и в жизни.

...Светало. Над лужами шли облака. По мостовой торопливо шли Хлебниковы и Пастернак с Марией Синаковой. Пил, спивался и неумело скандалил синеглазый Есенин. Айседора Дункан на ледяном полу бурно танцевала босиком в холодном Новочеркаске...

В "Бродячей собаке" по-прежнему подавали ананасную воду. Володю это бесило. Неожиданно поэт прочел "Мартину Идена" и увлекся кино. Так начиналась новая эра в искусстве...

Лев Якубинский прочел "Мистерию-буфф" и был потрясен. В рифмы Маяковского медленно вглядывался Александр Блок. Блок жил тогда на Шпалерной. В комнате плохо топили.

У Блока была цинга. Впрочем, у кого ее тогда не было?

В огромном доме жил Алексей Максимович. Он много курил, кашлял, иногда задумывал-

ся... В доме Горького было тепло, почти ежедневно обедали. Давид Штернберг старательно рисовал, срисовывал у Петрова-Водкина знаменитую петроградскую селедку...

Кстати: селедку выдавали по карточкам, академиком и чекистам. Потом стали выдавать и поэтам. Но не всем. Однажды дали Блоку... Блок не взял.

В Зимнем топили паркетом. Книги берегли для будущего. Будущее стояло за углом. Московские туалеты не работали. Тепло одетый Маяковский с упоением писал поэму "Хорошо!".

У Бриксов резались в карты. Интересно, как бы повел себя Брюсов, если бы пришел сюда? Но Брюсов не пришел. Маяковского он принимал с оговорками и трудом. Зато безоговорочно приветствовал профессора Потебню, которого мы все очень любили в те голодные годы и дни...

По ночам стреляли. У ЧК было много работы. Ленин почти ежедневно ночевал в Кремле. Ему приносили крепко заваренный чай и сухари. Но без сахара. Сахар Ильич передавал в детские дома.

— Да, батенька мой, — говорил он Горькому, — Россия голодает. Но власть мы не отдадим. Дудки! Попомните мои слова: электрификация плюс советская власть скоро захлестнут всю страну! Насмерть. И поделом ей!

Горький смущенно покашливал и пытался объяснить Ленину трагизм положения русской интеллигенции...

— Бросьте, Алексей Максимович, — все это архиплупость и троекратная чепуха! Угощайтесь!..

И, назвав русскую интеллигенцию говном, радушно пригласил Алексея Максимовича к столу.

— Вот, из Астрахани прислали свежую рыбку... Завтра же — все в детдом!

Ленин интересовался всем. Переворачивал горы контрреволюционной литературы. Часто звонил Дзержинскому. Был непреклонен.

Об апперцепционных процессах интересно писал Авенариус. Ему вторил Мах. Но оба были не в ладах с марксизмом.

Нашим союзником в организации "Опояз" неожиданно оказался Лев Толстой. Писал старик удивительно! Магия его сложноподчиненных предложений пришла к нам из будущего. Но об этом ниже. И чем ниже, тем лучше.

Симулянт сумасшествия называл Володю Корней Чуковский. Потом он изменил свое мнение. Но было уже поздно. Маяковский ему поверил. На эстраде рыдал, бился в конвульсиях большой красивый человек. Кончил неожиданно спокойно, выпил стакан воды, поставил точку и ушел... В первом ряду осторожно аплодировал Илья Зданевич. За границей, давсь устрицами, медленно умирал от смеха Аркадий Аверченко.

И последнее. Я давно хотел написать о Бабеле и Циолковском, Чарли Чаплине и Довженко. О Верлене и Сезанне. У меня на полу скопилось огромное количество материалов о Бурлюке и Якобсоне, об Андрее Белом и негритянском джазе. Я очень люблю прозу Тургенева и Дзиги Вертова. Хотя последний прозу почти не писал.

Я мог бы многое рассказать о последних днях Шекспира, которого, судя по последним публикациям, вообще не было. О Наполеоне, который позорно провалил египетскую кампанию. О дивных красках египтян и минеральных удобрениях Ближнего и Среднего Востока. О пирамиде Хеопса и древней Атлантиде, о ямбе и Корее...

Но лучше вернемся к литературе.

...Сближение Сумарокова с футуризмом может неожиданно оказаться плодотворным. Когда Герберт Уэллс со своим светловосым сыном остановился у Горького, он с большим трудом понимал смысл происходящего. Уэллс был англичанином. Революция осталась для него за семью печатями.

Когда Ахматова писала:

"Он снова тронул мои колени

Своей недрогнувшей рукой..." —

она невольно восстанавливала в литературе конкретный жест любви. И тем самым вносила посильный вклад в революционное преобразование искусства и жизни. Кто знает?

Я жил в Персии, о которой писал, но в которой никогда не был Есенин. Я смутно помню Катаева, зато хорошо запомнил Грибоедова, которого все-таки убили тогда в Тегеране. Хитрая ширококозая Персия обманула-таки гениального комедиографа. Но Булгарин ошибся: будущее принадлежало Александру.

...Над страной весенний ветер веет. Уже февраль. Скоро март. Но пахнет почему-то апрелем. Значит, уже весна. Впереди май. А там и до июня — рукой подать...

Мне 107 лет. Юность бессмертна.

Ветер века дует в мой паруса.

Так хочется жить и работать!

Мария ГУДЫМА, Ирина ДЕНИСОВА Скажи мне, кто я есть, и я пойму, кем быть

...Девушка мечтала стать киноактрисой, а жизнь сделала ее фармацевтом. Все вроде бы хорошо, но, как в известном одесском анекдоте, "неприятный осадок остался"...

Ситуация до боли знакомая — расхождение мечты и реальности.

Проблемы всегда коренятся в нас, в людях. В нашем отношении к работе, к деньгам и к другим людям, к себе подобным. И если работа удовлетворения не приносит, если отношения с людьми сложные или социальные условия диктуют известное "с волками жить...", то ни за какие деньги не купишь душевный покой и удовлетворение. Выбирать свою линию поведения, свое место в заданных временем и судьбой координатах старается каждый по мере сил. Труднее всего сделать выбор юному созданию, стоящему на пороге несовершенного взрослого мира: в эту пору ошибки слишком многого стоят. И пусть нельзя избежать их полностью, но для того чтобы допустить по возможности меньшие и исправимые оплошности, существуют специальные службы, призванные корректировать неверные установки личности, зачастую навязанные, увы, родителями или учителями.

Одна из таких служб расположена на улице Пушкинской. Если вы проходите мимо дома номер 23 с грузом сомнений в душе, можете зайти, поделиться проблемами с работающими здесь психологами (хотя, конечно же, если душа пока терпит, лучше предварительно созвониться). Чем могут, помогут, а им, признаться, есть чем помочь: определение типа личности при помощи тестов, в том числе и компьютерных, консультации в самых разных жизненных ситуациях, совет в выборе линии поведения с начальством, родителями, любимым — все это здесь присутствует. Здесь — это в научно-методической лаборатории профориентации и психолого-педагогической поддержки учащейся молодежи Одесского областного научно-методического центра образовательных и компьютерно-информационных технологий. Как следует из названия, основная работа центра связана со школьниками, особенно выпускных классов, и их наставниками, о чем рассказала мне исполняющая обязанности заведующей лабораторией Ирина Луцшина. Лаборатория основана Одесской облгосадминистрацией — ее управлением образования и науки, имеет тесные научно-методические контакты с Южно-украинским педагогическим университетом имени К.Д. Ушинского, объединением "Инновационные и информационные технологии образования", Южным научным центром Академии педагогических наук Украины, Одесским областным институтом усовершенствования учи-

телей. С начала года здесь проведено свыше трехсот индивидуальных консультаций и более полусотни групповых (их прослушали почти полторы тысячи школьников), почти по сотне профориентационных и информационных консультаций, а также несколько десятков бесед методического и личного характера.

ПРАВИЛО ИШАКА ГЛАСИТ...

— Ежегодно на базе центра проводится однодневный обучающий семинар для психологов общеобразовательных школ и учебных заведений разного уровня аккредитации, — говорит Ирина Николаевна. — Заключаются договоры с руководителями школ на разовые выезды наших специалистов с целью профориентационной работы и оказания психологической помощи учащимся и педагогам. Популярностью пользуются и особые курсы лекций, проводимые для родителей. Приятно отметить, что родители стали меньше давить на детей при выборе пути, больше прислушиваются к их мнению, предоставляют право выбора. А ведь если не давишь, не навязываешь своего мнения, то это уже половина успеха работы, которую мы проводим: благодаря тестированию даем ребятам буквально карту их внутреннего мира, о котором они часто и не ведают.

Тонко, терпеливыми беседами на равных специалисты-психологи стараются помочь подростку принять решение, наиболее отвечающее его внутренним склонностям. Действительно, зачем разбивать себе лоб на поприще, которое заведомо не твое? Впрочем, юность — пора максимализма, может, кому-то и хочется набить себе шишек, чтобы потом быть стреляным воробьем, как говорится. Что ж, психолог только дает рекомендации. Здесь любят повторять восточную пословицу: "Можно ишака привести к водопою, но сам шайтан не заставит его напиться". Что же касается информации, то она сполна предоставлена поступающим в ежегодно обновляемом справочнике, составляемом специалистами центра. Интересно, что из студенческой молодежи чаще всего в центр за психологической консультацией обращаются старшекурсники, осознавшие, что выбрали не свою дорогу. Особенно сложно контрактникам: ведь за обучение уплачены немалые деньги, на получение второго образования если и есть силы, то зачастую не хватает средств...

Проблема у работников центра одна: связь с областью слишком слабая, а лаборатория — областного подчинения. Для выезда в школы рай-

центров и сел нет достаточного финансирования, потому охваченным по полной программе оказывается все-таки только город. Из глубинки, конечно, приезжают в течение всего года заинтересованные учителя и психологи, везут туда полученный не только на семинаре опыт (лаборатория тесно сотрудничает с кабинетом психологической помощи Одесского областного института усовершенствования учителей); но хорошо было бы иметь и обратную связь — чтобы в село могли выехать одесситы и получить за это командировочные. Да и справочник, такую необходимую вещь в современном мире, неплохо бы издавать тиражом хотя бы в несколько сотен для обеспечения школ, а не несколькими десятками для внутреннего пользования. Дело-то нужное и хорошее. Не прибыльное... Да разве образование и психическое здоровье нации не стоят того, чтобы в них вкладывать сегодня, чтобы получить — завтра? Очень жаль, что из-за финансовых проблем никак не выйдет в свет специальный номер журнала "Наша школа", содержащий статьи сотрудников лаборатории, целиком посвященный проблеме профориентации.

Многие родители уже поблагодарили сотрудников лаборатории за предложенные курсы лекций "Возрастные особенности школьников", во время прослушивания которых смогли под руководством профессионалов рассмотреть актуальные проблемы личностного роста своих детей. В основу курсов легли отнюдь не праздные размышления. Лаборатория постоянно проводит психолого-социологические исследования состояния профессиональной активности и ориентации учащихся старших классов, прогнозирование их профессионального самоопределения. В целях апробирования научно-методических наработок ведется сотрудничество со школами города на договорной основе.

С ДУШОЙ, С ВНИМАНИЕМ К ДУШЕ...

Как рассказал главный специалист лаборатории Дмитрий Викторович Швыдкий, тренинги личностного роста пользуются даже большим вниманием подростков, чем тренинги по профориентации. В чем причина?

— Прежде чем выбирать профессию, надо подготовить себя к выбору, стать зрелой личностью, — поясняет Дмитрий Викторович. — Надо чего-нибудь хотеть, иметь сформированные потребности, обладать определенными запросами, интересами. Если ничего этого нет — никакие тесты не помогут определиться в жизни. На основании ролевого моделирования раз-

личных ситуаций и формируется тренинг личностного роста. Обыгрывая механизмы общения между различными людьми, школьник получает некие алгоритмы восприятия, получает коммуникативные навыки, необходимые человеку, претендующему на личностную зрелость. Как дети учатся ходить, говорить, улыбаться, так же они должны обучаться душевным движениям. На тренингах мы учим контролировать свои эмоциональные состояния, переключать и удерживать их, учим самоанализу и самонаблюдению.

Снять вполне понятные опасения выпускникам помогает ролевая игра "Приемная комиссия". Выбираются ребята на роли абитуриентов и экзаменующих вузовских педагогов, причем вторая группа испытывает первую на прочность, задавая вопросы о том, чего ждут подростки от будущей профессии, есть ли в наличии необходимые качества, силы, знают ли о грядущих заработках, возможных в данной сфере деятельности. А еще выясняется, готов ли юный человек принять на себя ответственность за других людей, или же его устраивает подчиненное положение, способен ли он смириться с ненормированностью рабочего дня, каким видит в дальнейшем свой статус в обществе как будущий профессионал. Участникам тренинга предлагается также игра в профессии, напоминающая игру в города: сидящие по кругу называют определения профессий, начинающиеся на букву, завершающую предыдущее слово. При этом называемые профессии должны быть в чем-то похожими, обладать какими-то общими чертами, и проговаривание всех приводящих обстоятельств помогает подросткам расширить свой профессиональный кругозор.

В нынешнем учебном году появилась потребность модифицировать тренинг "Ораторское мастерство", состоящий из пяти занятий, длящихся по три часа, для малолетних групп из двенадцати человек. Стремясь пройти этот тренинг ребята, мечтающие о карьере адвоката, культуролога, филолога, журналиста... Имея такую высокую мотивацию, очень стараются, отрабатывая свои речевые навыки в группе, на большой аудитории, а также индивидуально.

— Сегодня в школах вводится профильное обучение, и не всегда ребенок выбирает себе класс в соответствии со своими возможностями, — дополняет главный специалист лаборатории Виктория Николаевна Найда. — Был случай, когда к нам обратилась одиннадцатиклассница лицея. Она оканчивала экономический класс, будучи явным гуманитарием! Уж если выпускнику сложно определиться с выбором профессии, то какие трудности испытывают двенадцатилетние дети, пытаясь ориентироваться в профильных классах! Им тоже необходима наша помощь, главное, чтобы она была своевременной.

Не только подростки являются клиентами лаборатории, здесь работают также с младшими школьниками, даже дошкольниками. Первым помогают справиться со школьными стрессами (порой переходящими в соматические заболевания), вторым — пережить потрясение, связанное с тестированием будущих первоклассников, подготовиться к нему опять-таки в игровой форме. Принуждение, крик, запугивание — все это не методы для обучения тем или иным премудростям одесситов двадцать первого века. Разве не здорово?

«В умном сердце глубоко запрятана грусть...»

На проходившей в мае 2005 г. очередной фотовыставке В.А. Оплачко, посвященной Индии, впечатлял многих портрет нищего мальчика, названный участливо: "Друг". Автор прокомментировал его предельно кратко: "Он смотрит мне в душу". Думаю, что всем зрителям — тоже... Лично мне возле этого портрета вспомнились стихи Луиса Ортеги, художника, когда-то выставившегося в Одессе:

*Твое несчастье — нищий за углом,
Он ждет тебя с рассветом не мигая.
Отдай ему все блестящие за поклон,
Все борозды и все ворота рая.
Снеси ему всю черепицу дней,
(У ног его сложи часовню грусти),
Заплаты затонувших кораблей,
Предательствами*

выстланные устья.

Надеюсь, что моряк по профессии и востоковед по призванию, Виталий Александрович примет мои летучие ассоциации, т. е. разрешит примыслить к портрету буддийскую "часовню грусти" (часто снимаемые им "ступы" символизируют своей бело-черно-красной раскраской жизненную силу и милосердие).

Как-то, беседуя со зрителями, Виталий Александрович полушутливо назвал себя одесским буддистом. Шутки шутками, но возможно, наш земляк, путешественник, фотохудожник, создавший настоящую гималайскую фотографическую "ораторию", будет причислен когда-нибудь к тем, кто испытал на себе влияние "индий-

ского антициклона". Так Тейяр де Шарден говорил об Индии как о "районе высоких религиозных и философских давлений" — на западные умы. В ряду таких деятелей стоят физики, начиная с Э. Маха и кончая Ф. Капрой, музыканты (Битлз), философы (В. Вернадский, Е. Блаватская), художники (семья Рерихов). В нашем случае прецедент Н. Рериха не в счет, так как одесский фотохудожник избрал иной путь в своем живописании Гималаев, откровенно отмежевываясь от знаменитого символиста.

Если Н. Рерих следовал совету своего учителя А. Кунджи придавать пейзажной картине произвольно-авторский свет (оговариваясь, что в этюде свет, как правило, все-таки должен быть природным), то В. Оплачко и в этюдах, и в монументальных своих "полотнах" верен освещению только естественному. Другими словами, В. Оплачко не отступает ни от буквы, ни от закона фотографии, хотя в работах других циклов, например, европейского, он мог позволить себе соскочиться с голландской пейзажной живописью XVII в. Но это, как говорится, мимошутный каприз художника. В целом Виталий Александрович — фотохудожник, помнящий о корнях светопластики, документалистически четкий.

Не менее интересно в художественной личности Виталия Александровича потрафляющее буддийской этике органическое чувство сострадания, которое выражается в его компози-

циях, даже одинаково заинтересованным вниманием к большому и малому... Одесса знает по своим благотворительным заведениям, не только взрослым (туббольница), но и детским (Дом с Ангелом, Светлый дом): Виталий Александрович не один год держит их в орбите своих добрых забот, будучи богатым человеком не столько количественно, сколько качественно, ведь говорится же: наиболее богат не тот, кто много имеет, а тот, кто много отдает...

Вернемся к портрету просящего милостыню. Печальный и красивый мальчик-бедняк снят в контражуре, без вспышки, и поэтому, по мнению фотографа Игоря Полякова, также выделившего эту фотографию, здесь так хорошо работает свет. Добавим — и тьма, придающая снимку не только философское, но и социальное звучание, актуальное для Украины, чьи "негаразды" особенно пагубно отражаются на судьбах представителей страны детства.

Что касается чисто художественной оценки этого портрета, то он — не просто случайная удача фотографа. Это типичный для Оплачко портрет состояния (классическое портретное амплуа, столь же престижное, как и портрет характера — именно так различают Хальса и Рембрандта). В портрете состояния субъект и объект съемки как бы перекрещиваются, сам Виталий Александрович метко выразился на этот счет: "Глядя со временем на портреты этих людей, я

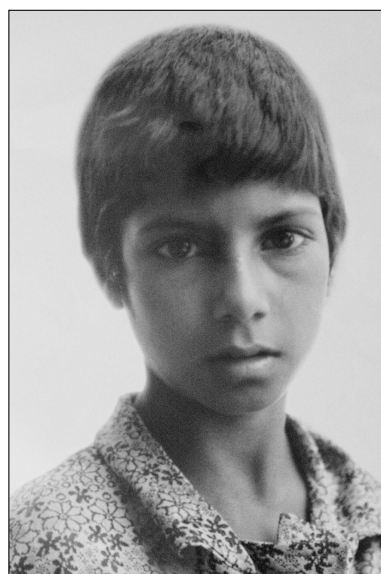

Фото В. Оплачко "Друг"

— через них — как бы слышу самого себя". Это означает, что фотохудожник Оплачко не может подвергаться тестированию с помощью известной, несколько набившей оскомину дилеммы: любить себя в искусстве или искусство в себе. В его арсенале есть нечто третье, дефицитное для многих, нажимающих на спуск фотоаппарата: любовь к жизни и ко всему живому. Это вполне и в духе христианства, а не только буддизма. И Иисус, и Бодхидхарма говорили, что

способность сострадающего человека как бы теряет свою душу ради ближнего оборачивается возможностью именно таким образом обрести ее для себя самого...

Выставки В. Оплачко бесконечно гуманны: Виталий Александрович нежен с детьми, почтителен со стариками, сочувственно ласков с женщинами, умеющими быть кокетливыми в любом возрасте, несмотря на бремя труда и ярмо полиандрии (многомужества). Душевное авторское расположение разлито во всех фотографий портретного жанра, оно сквозит и в его рассказах, собирающих на выставке толпы народа. Востокосведно эрудированный, мягко ироничный, Оплачко-рассказчик обаятелен еще и тем, что больше любит говорить о приятном, чем о грустном, хотя последнее тоже присутствует, но косвенно, совсем в духе буддийской поэзии:

*Всех людей захотелось хвалить.
Веселюсь!*

*В умном сердце глубоко
Запрятана грусть...*

Елена ШЕЛЕСТОВА,
искусствовед Музея западного
и восточного искусства.

P. S. На выставке состоялась интереснейший диалог по поводу якобы запрятанной в Гималаях обители Добротворцев (бодисатв) — Шамбалы.

Зритель: Вы были в Шамбале?
Автор выставки: Шамбала — не место, а состояние души.

Александр ДОРОШЕНКО Таировское кладбище

Самое молодое и самое большое из всех. Как и Город (его отражением в прошедшем полустолетии), здесь все разбито на кварталы, только они, как улицы в Америке, номерные, есть перекрестки и даже площади. Сейчас конец мая, все зелено, деревья, густые кусты сирени и трава, летают бабочки и стремительно исчезают в траве ящерицы, но здесь живет смерть, и все здесь, привычные атрибуты жизни, иное — это территория смерти.

Обитателей здесь примерно столько же, сколько оставшихся в Городе, только они уже не бегают, и на каждого приходится ровно столько места, сколько ему и требовалось, и эти, бегающие поодаль, суеязиющиеся в бессмысленном бродяжничестве, где путь каждого полон смысла, но если глянуть с небольшой высоты на всех сразу — нет большей бессмыслицы, чем их глупые перемещения.

(Не следует путать с муравьями — муравей не совершает бессмысленных поступков: не учится играть на пианино в детстве, с тем, чтобы сохранить развешенные к этому инструменту, не учит физику-математику-химию, с тем, чтобы всю жизнь продавать капусту, не читает "Войну и мир", с тем, чтобы во всю свою жизнь уже ничего не читать — не называть же чтением то, что они читают...)

А то, ради чего эти люди бегали — видно здесь, где успокоились и легли. И только очень немногие в самом конце, перед уходом, смогли осознать глупость своего бега. Эти — самые лучшие, ради которых стоят оба города: сегодняшний и сиюминутный, и этот, вечный и настоящий — Некрополь.

Кладбище это без номера, в отличие от всех предыдущих, потому что интернациональное, то есть самое одесское, и все лежит вперемешку, как жили в кварталах города, так и здесь, в кладбищенских кварталах. В одной общей на всех постели. Многоспальной. Таировский его называют по поселку, как и местные вина. Подобно поселку, оно необозримо, безлико и перенаселено. У него нет истории, как у старых кладбищ, нет времени, здесь только пространство смерти...

Местные жильцы счастливы — они не болеют и не стареют, не мучаются переживаниями — они терпеливо ждут!

Мы не выбираем, где нам родиться, а где лечь — выбирают за нас. Мы выбираем свое место среди живой жизни, и вот здесь мы, как правило, ошибаемся. А первый и последний выбор — самый правильный из возможных! Многие из лежащих были знакомы при жизни, дружили или враждовали, но здесь у них иные соседи. Как в сказке Андерсена, где ночной ветер перепутал вывески, и стало непонятно, где они должны быть и чему соответствовать. Лежит умный и не особо, еврей рядом с антисемитом, хищник рядом с жертвой, моряки, уходившие в дальние плаванья от своих жен, теперь положены рядом с ними. Их вернули домой. На могильных плитах у моряков нарисованы корабли в океане. Свинцовые тяжелые волны катятся по мраморной черной плите под свинцовыми низкими облаками, и корабль покоится в материнских объятиях земли и неба. Самый красивый сюжет из возможных сюжетов жизни. И смерти. Потому что корабль этот покоится — он нигде уже не плывет.

Здесь лежит моя бабушка, Ефросиния Михайловна Дорошенко, в девичестве Крапивницкая. Это скорее польская фамилия, и ее дед еще ходил в костел. Придя и все прибрав, траву, листья и мусор, я подолгу сижу у ее могильной плиты, в тишине. Таировское кладбище так велико, как континент, и на нем безлюдно и тихо... Вначале от поднятого мною шума все здесь замирает, даже высокие стебельки травы стараются не дышать — вдруг не понравятся мне, и я их тоже срежу, как выкосил множество травинков вокруг бабушкиной могилы. Но вот они поверили, что меня здесь не стало, и перестают притворяться мертвыми. Серая ящерица, такая молоденькая, что неразличимо, где кончается ее хвостик и начинается тельце, пробежала среди плит и замерла погреться на солнце, на своем, видимо, любимом месте, и теперь она горестно рассматривает учиненное мной разоренье — траву, подстриженную на манер армейской полковничьей прически, ежиком, и даже цвет ее у корней стал напоминать выгоревшее хаки, ветку сирени, срезанную мной с куста и брошенную на могилу (сегодня конец мая, и пламенеет кладбище в сиреневых кустах, такого их обилия не бывало даже на плотных Костанди, все мыслимые виды и сорта сирени, все цвета и запахи поделили кладбище на участки, и на каждом свой запах и цвет своей сирени; я подозреваю, что в городе продают сирень с наших кладбищ — всего рубль за громадный сиреневый куст).

Семен и Сарра Срулевичи. Жить будем долго и умрем в один день — это они так и прожили, от начала века до 80-го года. Меня, идущего по аллее и скользящего взглядом по множеству тысяч лиц, ее лицо заставило остановиться. Ей на этой фотографии уже немало лет, но глаза, уж если они меня с могильной плиты смогли достать и остановили, и заставили подойти к оградке, как же они действовали на мужчин при ее жизни, когда была она молодой? Было где отражаться Семену! И где теряться. Она в берете и в меховой накидке, это отблеск времени, так могла быть одета и моя мама, но такая гордая сила в этом лице, в постановке ее головы и плеч...

Все, что случилось с нашей страной, стало их жизнью, они впитали это и еще многое, о чем не успели никому рассказать, а теперь уже поздно, и лежат они молча. Беды революции, две мировые войны, Холокост... Как они чувствовали себя, узнав об ужасах Холокоста, как жили среди окружения, как смогли сохранить такое достоинство в лицах? И были людьми русской культуры — мне нет нужды искать документы — достаточно этих фотографий.

Стою, поставив ногу на кованую решетку ограды, и вспоминаю — что же они любили? — наверное, как и мои родители, песни Шульженко и Утесова, смеялись Аркадию Райкину, фильмы смотрели — "Карнавальную ночь", "Летят журавли"... Читали книги и говорили о книгах — классику нашу и, наверное, успели прочесть переводы Ремарка и Хемингуэя. Вижу наши курорты городские, а возможно, они ездили отдыхать в Крым. Вечерние аллеи над морем, прохлада летнего вечера и друзья, и разговоры — о фильмах и актрисах, о книгах, о семейных делах — то небольшое счастье, которое даровала им жизнь.

Такая страстная сила в ее лице — сила протеста. Против чего? — Стоя у могилы, легко придумать ответ, но она такой была и при жизни. Против обыденности, против серости, против безликости, против ухода — она и сейчас, когда я всматриваюсь в ее лицо, — против, и это навязчиво твердит мне, чтобы я не прошел мимо, чтобы заметил и понял. Чтобы не позабыл!

Я буду помнить, Сарра, ты не волнуйся, я не забуду!

Гитля Комар и Гельман Старший Механик. Фаня Ляуфер и Ида Ключ. Изыск и простота. Фаня Котик и Иван Попик устроились рядышком, через ограду.

Супружеская пара Хахам (*хахам* — это мудрец у евреев), она с породистым русским лицом, Лидия Петровна (смесью французского с нижегородским), а он дан только инициалами, но такое характерное еврейское лицо — я всегда, увидев такое, здороваюсь, на всякий случай, чувство — что знаю, и хорошо знаю, но вот не вспомню сейчас, как и откуда... Такие лица были среди учеников и среди врагов Иисуса в Палестине, он тоже, возможно, в них путался...

Кароль Циринг (но близкие его звали Колей, так они и написали ниже, прощаясь).

Иван Саранча (это ведь неотличимое множество, полная идентичность миллиона особей сразу). Стефан Тот (наверное, знакомые упражнялись на его счет и говорили — Тот еще). Уверен, пошушукаю и найду фамилию — Этот.

Давид. Молодое лицо, по-лошадиному красивое, как у Пастернака, и глаза сумасшедшие — я такие точно лица помню на рисунках и стелах хеттов и египтян, так они рисовали лица евреев библейских времен...

Смешные ребята, на этих плитах они с антуражем живой жизни. Такие жизнерадостные они на этих портретах, переведенных мастерами погребально-живописного цеха с фото на мраморную поверхность, такие оптимистичные все...

Молодая кокетливая дама с уютной чашечкой кофе в руке (и дымится кофе), а второй она поддерживает блюдце, чтобы не капнул кофе на блузку (белую, воздушную, с рюшками); а эта стоит в рост на могильной плите, и платье у нее с высоким разрезом, а в него выставлена стройная ножка, упругая телом, с высоким подъемом, и теряешься в силе чувства, ловя себя на разглядывании этой живой ножки; а этот в очках, с сигаретой и с книгой, он только на секунду, чтобы на тебя, проходящего, мимо глянуть, поднял от страницы глаза (я оглянулся посмотреть, я уверен был, что он снова опустит глаза в свою книгу — что такое он там читает?...). Лицо умное, задумчивое — рукой он подпер подбородок, сдвинул усилием мысли брови и уголки губ — думать надо было раньше!

Море вертикальных стел, и на плоскости мраморной — лица, лица, лица, и каждое — значимое, особое, полное мысли, чувства и жизни. Стелы разновелики (как свидетельство

благополучия оставшихся), и эти лица выглядывают друг из-за друга, тянутся, чтобы их увидел, рассмотрел, понял... Стоят как бы в толпе и поднимаются на носки, чтобы увидеть и мне показаться. Торопятся что-то сказать, выкричать, предупредить — пока удерживают мой взгляд... Стою на аллее, и шумят кладбищенские ряды голосами, плачем, смехом, гневом, угрозой. И когда перехожу дальше и останавливаюсь вновь, новые голоса сменяют предыдущие (так на Красной площади при парадах объезжал командующий выстроенные полки, и каждый полк в один голос ему отвечал — лаем!). Уложены они квадратно-гнездовым методом, ровными рядами, и большинство так было устроено и при жизни, но немногим так быть, в ряд, тяжело и после смерти.

(Сейчас у меня здесь, на кладбищенских бесконечных аллеях, не парад — не смотр, не я их, но они меня — смотрят и оценивают, и я слышу мне вслед эти оценки, а вам говорить их не стану, вам не следует этого знать, — живите спокойно!)

Кладбищенский бомж. Молодой и телом вполне здоровый парень. Еще крепкий — молодое здоровье, ходят ноги, руки движутся и видят глаза. Он слышит и не утратил навыков речи. На выжженном полуденным солнцем кладбище, среди холмиков, оград и жухлой травы — в царстве мертвых. В царстве, где живому, еще бьющемуся сердцу, нет надежды! Здесь даже бабочки иные — из этого уснувшего царства, они иначе порхают и не интересуются цветами. Между этими бабочками и кладбищенскими цветами утрачены связи.

Здесь, на кладбище, время иное, оно превратилось в желе, тягучее, прерывистое, в него невозможно войти и вписаться. Оно обволакивает здесь все, веточки деревьев и листочки, и стекает отравленной патокой по кладбищенским плитам, и капает с уголков губ могильных фотографий. Оно накапливается лужами на дорожках, и идущий скользит, у него вязнут ноги в этом конденсате времени. Вместе с мертвыми здесь, на кладбище, захоронено и прошитое ими время. Это и есть Стикс — река мертвых, бесцветная река, неподвижная, с бурными водоворотами мертвой воды. Время течет центральной кладбищенской аллеей и растекается множеством ручейков — венами, в которых пульсирует чуждая всему живому кровь.

*обычный день без числа месяца и года:
"Мартобря" — "Чи 34 сло Ми,гдао влар-
веФ 349" — "Никоторого числа"¹*

(Здесь и наше, уже прожитое нами время, оно ведь должно где-то храниться, здесь и мы сами, бывшие, какими были в свои пять и пятнадцать, и двадцать лет... И если не торопясь идти поздним тихим вечером по кладбищенским аллеям, можно, острожно оглянувшись, чтобы не спугнуть, увидеть себя мальчишкой, смотрящим себе же, сегодняшнему, вслед... Мальчик стоит, прислонившись плечом к памятнику, и задумчиво смотрит тебе вслед, с печалью, любовью и состраданием. Он знает о тебе больше, чем ты можешь вспомнить о нем.

Вечером, когда неторопливо и мягко гонятся тени на кладбищенских дорожках, когда тишина сглаживает углы полутонами оттенков, сердцу видится бывшее, — вот идет рядом со мной, тогда еще подростком, моя мама, она останавливается и что-то говорит мне, то ли о могиле лежащего здесь человека, которого она знала при жизни, то ли обо мне, о неправильных всяких моих поступках, но вечер смягчает горечь беспокойства в ее голосе, и я вслушиваюсь и впитываю этот единственный в мире голос, его глубокую теплоту, — я впервые услышал его, еще будучи в ней, когда она со мной говорила, со мной, ей еще неизвестным, ожидаемым, она даже не могла сказать мне "мой мальчик", она ведь еще не знала, что я окажусь мальчик. Но я уже тогда слышал и понимал мою маму, я тогда уже баловался и капризничал, а она любовно гладила мое маленькое тело и укоряла, и ласкал меня мамин голос, а когда я покинул мамино тело, я это голос сразу узнал, я знал, как и сейчас это знаю, — мамин голос всегда с нами, до самого нашего конца, но и за ним тоже — он встретит нас и там — мамин родной голос!)

Одинокий бомж движется неровной походкой, в которой отсутствует чувство направления, он окружен тысячами наблюдающих глаз, внимательных — с могильных памятников. И ему некуда скрыться от этих насмешливых, злорадствующих глаз. Здесь в мертвых пространствах смерти у него нет уголка

тишины и покоя. Он покорился, и у него уже нет сил для сопротивления и противостояния мертвым. Это страшнее путешествия Данте в потусторонний мир. Дант мог говорить, он боялся, радовался и негодовал. У него был проводник и попутчик. Он имел цель и направление пути и знал, что вернется.

Пожилая торговка цветами на входе в кладбище подзывает бомжа и, ласково назвав его по имени, протягивает ему какую-то еду, и что-то ободряющее говорит. Я, задержавшись у памятника, слышу спиной ее слова — что надо бы ему погреть руку на солнце и она пройдет, а пока пойдешь и сядь в тени, и вот поешь. Так жалеют бездомного шелудивого изувеченного людьми пса, и пес недоверчиво слушает слова утешения... Но псы не бывают бомжами, они не выпадают из жизни, они умирают живыми, пусть мучаясь и страдая, но они уходят из жизни живыми.

Живое существо не должно так страдать!

Молодой солдат в полной форме, с петличками танкиста, в пилотке — в чем взяли...

Полковник Б.М. Эдельман и полковник КГБ Гусак...

Подполковник Красота и генерал-майор Удача ("не родился красивой, а родился счастливой" — это, видимо, правило из армейского устава). Полковник Мичман — перерос себя человек, но бывает и наоборот — капитан Майор (у кого-то из классиков был герой — майор Майор, я думаю, что это красивая выдумка, но теперь вижу — просто жизнь).

Крайний у стены ряд могил, там конечно набросан мусор, на стене крупными буквами надпись "Мусор сюда не бросать", и под ней ответ: "Мусор к мусору". Здесь могила капитана милиции.

Как и на всех остальных, здесь тоже хоронят цыган. Похоже, что цыгане самый интернациональный народ — им полностью все равно, среди каких народов жить, и такими они остаются и в смерти. Заготовлены строгие бетонные надолбы для еще живущих баронов. Эти памятники баронам, как китайцы в Сан-Франциско, вроде бы тысячу лет свои, но всегда чувствуешь недоумение, — что они здесь делают?

Все живое, — люди и бедные кролики, обычаи и города, континенты и забегаловки, свадьбы и похороны, китайцы и хасиды, нравы и ритуалы, кусочек хлеба с салом и горчицей, жареный петух и роллс-ройс — и тысяча тысяч иного — все это было в прищуре глаз, чуть уловимом, чуть заметном, и еще в уголке губ, в намеченной улыбке — все уже было там. Запомни, был день, еще самое утро, из первых осенних дней, и ты вышел, чувствуя запах кофе, и остановился на углу, в развилке старого и нового Арбата, достал сигарету, и с удовольствием глядя на вымытый и такой чистый мир, только что вышедший из-под тяжелой и узловатой руки Бога, не торопясь, выпустил изо рта струйку дыма — помни, именно в этот момент ты, тогда молодой и красивый, полный силы мужчина, полный неукротимой силы, в которой растворены нисходительность и доброта сердца — ты понял сразу все — понял, взвесил и оценил все это сразу, все данное тебе и дарованное жизнью — и это был единственный раз в твоей жизни, ее наивысшая точка, когда стало понятным все!

И проследив, как струйка табачного дыма пересекает Новоарбатское шоссе, пересекает и зачеркивает стадо автомобилей, рвущихся в бесконечное никуда, перечеркивает высотные здания Нового Арбата (такая легкая, невесомая струйка дыма, а вот поди ж ты, дрожат и вибрируют в ней контуры высотных зданий, как землетрясение или цунами, или смерч, она сотрясает их до самого основания), ты сказал себе вслух, удивив проходящую по срочным и неотложным делам какую-то даму, ты сказал: "Боже мой, тут что-то не так, на этой смешной картинке, что-то тут перепутано, верх и низ, юг и запад — и самое время все переставить!".

А потом ты опомнился и вернулся к людям, в суету утренней Москвы, в это несчастное тысячелетие, позавыв, что даже такая малость времени, пропущенная, — опасность потерять все. И куда-то пошел деловой походкой, установив на лице глупую деловую мину озабоченности срочным и важным делом, — и совсем не важно, куда и зачем — бессмысленно!

В тот самый момент твою единственного дня, — лучше бы ты умер?!²

² Нет, нет, я вспомнил, в тот день я шел на Старый Арбат в антикварный, там ждала меня моя любимая, там был какой-то старинный браслет, и она хотела, чтобы я его глянул и оценил, и когда я пришел, и подождал ее там минут тридцать, и потом рассмотрел этот браслет, и его забраковал — он был новодельный, — мы купили кольцо, старое, серебряное, тяжелое, с кабшоном бирюзы, Овчинникова фирмы, и пошли с ней гулять по Москве — так вот, это было все правильно, и мои горькие слова к этому дню отношения не имеют, он был из лучших, — но Боже ж ты мой, какая малость была таких дней! (Прим. автора)

¹ Николай Гоголь. Записки сумасшедшего.

Давид МАКАРЕВСКИЙ Юбилейное

Боже правый! Мне исполнилось семьдесят лет. В это невозможно поверить. Все время Додик и Додик... И вот нате вам — семьдесят! Казалось бы, еще вчера сходил с ума, бегал, прыгал на сцене (все говорили, что несмотря на мой большой вес я очень подвижен и танцевален), а сегодня, посетив Израиль, купил палку и пытаюсь научиться ходить "о трех ногах". Еще на днях бежал за трамваем, боялся куда-то не успеть, а теперь без сожаления смотрю вслед только что ушедшему и с удовольствием присаживаюсь на лавочку в ожидании следующего. Спешить-то некуда — уже семьдесят. Доспешился, добежался, до- танцевался.

Еще вчера увлекался, хотел участвовать, успеть туда и туда, а теперь успокоился: бу-

дет? — будет! придет? — придет! А не будет и не придет — и не надо, уже семьдесят.

А любовь? Конечно, она остается. Недаром Леонид Осипович Утесов пел: "Когда проходит молодость, еще сильнее любитесь!". Любится-то, может, и сильнее, но может все слабее и слабее.

Вот говорят: "Вам нельзя дать ваших лет!" Врут. Даже если вы хорошо, как говорят в Одессе, "выглядываете на лицо", то вас выдает фигура... Если же фигура еще ничего, то вас выдают ноги...

Я сейчас вспоминаю встречу с Михаилом Жванецким в Мюнхене. После его очень успешного концерта мы немного посидели в ресторане. А потом вдвоем вышли на улицу. И вдруг Миша говорит мне:

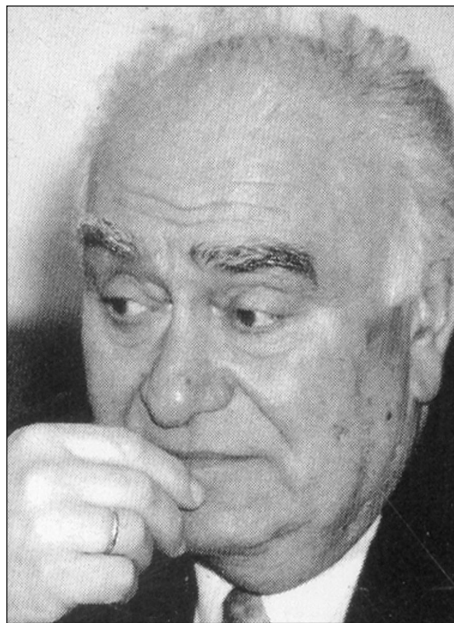
— Ты как-то странно ходишь, переваливаясь с ноги на ногу. Я, между прочим, тоже так хожу. Ты не знаешь, почему?

— Знаю, — ответил я.

— А другого варианта объяснения у тебя нет? — спросил Жванецкий.

Действительно, с возрастом у людей меняется походка. Мы превращаемся в матросов, идущих вразвалочку по качающейся палубе корабля. То есть походка тоже выдает. А вот если вы в хорошей физической форме — даже противоположный пол оглядывается еще — то все равно есть то, что выдает: мозги! Мозги выдают. Человек начинает говорить глупости, капризничать, требовать к себе особого внимания, не признает никаких авторитетов, а главное — требует, чтобы в транспорте ему уступали место. И тут же всем становится ясно: далеко за семьдесят.

Правда, я сейчас живу в Германии. Там вообще не принято, чтобы молодежь уступала место кому бы то ни было. Они влетают в трамвай с криком и моментально занимают все свободные места, нагло смотрят тебе в глаза и... не встанут. Поневоле чувствую себя молодым. Спасибо, немецкие дети!..

Михаил ЖВАНЕЦКИЙ Макаревскому

Давид Яковлевич!
Вот и тебе 70.
Может быть, ты последний?..
Так нет, будут еще.
Там сзади масса народу.
Это впереди мало.
От имени и по поручению
прошедших через это — по-
здравляю.
Добро пожаловать в клуб
"Кому за 70".

У нас кондиционер, паркет,
танцы, буфет и полное доверие
жены по возвращении домой.
Додик! Ну! Через все крики,
болезни и неуверенность.
Ну! Дотянули! Теперь не
посмеют написать — "без-
временно".
Все будет вовремя!
А вдруг не будет.
А вдруг к тому времени что-то

откроют в Америке, где откры-
вают всё, и ты войдешь
в сияющий мир красивой, долгой
и нудной жизни все время с Лю-
сей и с Люсей. Ну смотри. Как хо-
чешь.
В общем, нам с Шурой пока ис-
пугать тебя нечем. Так — отдель-
ные отказы.
Так значит слушать не через
это, а через это.

Писать не через это, а через
это.
И кушать не через то и не туда.
Но все остальное...
Большой привет!
Единственное замечание: мо-
лодость приходит и уходит — и
старость приходит и уходит.
Тут главное — не заметить ее
приход.
Тогда вы не замечаете друг дру-
га и существуете параллельно.
Додик Макаревский!!!
19 февраля для нас "было
всегда большим, чем ты".
Это праздник города, празд-
ник всей Одессы.
Твое место там уникально.
Хотел ты или нет.
Тебя знают все — зрители, ар-

тисты, кое-какие кастрирован-
ные животные, то есть все, кто
любит юмор, море, трамвай, вет-
инструмент, оперетту, Парнас,
влажный ветер и лебедей в мор-
ской воде.
Ты заслужил этот город, этот
праздник, этих друзей, летящих
со всех концов земли
на твой свет.
Держи свои 70, готовься к 80-ти.
Мы с тобой.
Никого из нас нет сегодня в
Одессе.
Тем прочнее она в нас.
Тем крепче она нас держит.
Тем шире ее слава. Целую и по-
здравляю. Всегда неподалеку.
Твой Михаил.

Валерий ХАИТ «Извините, это квартира Рабиновичей?..»

Овощной ларек. Хозяйка что-то взвешивает покупательнице. Ей помогает мужчина, видимо, муж. Слышен такой диалог:
— Возьмите белую черешню!
— Да она какая-то несладкая...
— Да?.. А вот знаменитая ясновидящая Ванга — может, слыхали? — советовала есть именно белую.
К диалогу подключается мужчина:
— А я про своего кума хочу сказать. Недавно пристал: поехали в райцентр, возьмем мешок сахара!.. Поехали, взяли. Сто шестьдесят гривен дали. А через неделю этот мешок уже двести стоил. Так кто, я вас спрашиваю, ясновидящий?.. Правильно — кум...

Место для курения фимиама.

Услышал как-то возглас:
— Доктор! Не занимайтесь самолечением!..

Наша знакомая рассказывала о своей свекрови:
— Прихожу как-то домой, а из кухни — жуткий запах. Выяснилось, свекровь варит ворону. Я говорю: "Вы что, с ума сошли?" — Она: "Так кошка принесла, а я думаю — не пропадать же добру!.. И потом, я слышала — в ней много витаминов..."
После короткого скандала выбросила эту ворону вместе... нет-нет, что вы... с кастрюлей...

Наш автор Миша Бару подарил. А ему рассказала его добрая знакомая Юлия Рабинович.
К ним как-то должен был прийти их приятель. И вначале ошибся адресом. На-жал на звонок. "Кто там?" — "Извините, это квартира Рабиновичей?" — "Нет, это обычная квартира!.."

Мой знакомый, довольно крепкий, средних лет мужчина, почти не выходит из дому. Объясняет он это свое домохозяйство весьма своеобразно:
— Понимаешь, страшно не люблю домой возвращаться...

Слышу разговор:
— Вот, помню, в тот год урожай был! На стадион свозили. Кругом зерно валялось... Голуби летать не могли: животы по земле волочились...

С женским полом у него как-то не складывалось. Его всегда бросали. И он страшно огорчался.
— Вот объясни: почему она меня бросила?
— Кто?
— Катка!
— Катка?
— Я ее кормил, поил, на руках носил. А она ушла...
В конце выяснилось, что речь идет о кошке...

Есть люди, любящие позлословить. Почему-то их больше среди женщин.
Беседуют две подруги. Хотя обычно они собираются втроем... Одна из беседующих — как раз из тех, кому, видимо, еще при рождении в глаз попал кусочек кривого зеркала. Живо обсуждают кого-то из знакомых. Наконец более доброжелательная не выдерживает:
— Ну зачем ты о ней так? Это уже слишком!
Та, с сожалением:
— А вот Лена бы меня поняла...

В жизни всегда есть место парадоксам. Вот, скажем, в Одессе появилась афиша: "Группа "Крематорий". Живой звук".

Лада ПРОКОПОВИЧ Шурик

Жил-был в Одессе кот по имени Шурик. Жил себе и жил... Особыми талантами не выделялся. Вполне достаточно было того, что он рыжий и одессит.
Но вот наступили трудные времена. Перестройка... Рыночная экономика... Борьба за независимость...
Коты, в отличие от людей, долго не могли к этому привыкнуть, приспособиться...
Моя свекровь, например, долго агитировала свою кошку, пытаясь скормить ей какой-то жиденький супчик:
— Пойми, Мурка, в стране перестройка! Исторический момент! Не привередничай. Ешь, что дают.
Но Мурка сопротивлялась.
Спротивлялся и Шурик. Ведь ему тоже пытались влихнууть нечто несурзное под названием "супчик". А чего еще можно было ожидать от этих интеллигентов? Хозяин — преподаватель университета, кандидат наук, доцент — поначалу просто растерялся, когда понял, что его мозги никому в этой стране не нужны.
Долго противился Шурик всем этим перестройкам и супчикам. Но, в конце концов понял — надо как-то выкручиваться. Не сидеть же на Думской площади с повязкой на голове "Я голодую"?!

И вот однажды идет хозяин Шурика домой. В душе подъем и смятение. Лекция прошла хорошо. Как всегда. А вот зарплату уже полгода не выплачивают... Чем кормить семью?.. Как жить?..
С этими риторическими вопросами подошел он к двери своей квартиры и увидел, что у порога сидит Шурик, а возле него лежит какой-то пакет.
"Что это?" — удивился хозяин. Но когда разглядел... Боже правый! Курица! Югославская! Югославская курица!!!
Удивление сменилось недоумением: "Откуда? Как она здесь оказалась?" Доцент оглядел лестничную площадку. Никого. Спустился на этаж ниже. Никого.
Недоумение сменилось тихой радостью: "Сейчас сварю такой супец! Нет, лучше сделаю жаркое!.. Нет, лучше запечу ее в духовке, под майонезом!.. Нет, лучше... И Шурику кое-что перепадет... А то вон как исхудал..."

Спустя несколько дней доцента под дверью ожидал такой же сюрприз. Минуты удивления и недоумения, он сразу тихо обрадовался. Ведь в прошлый раз они с женой так и не попробовали курицу, запеченную на бутылке.
Еще через несколько дней при виде очередной югославской курицы под дверью доцент не стал тратить время даже на тихую радость, а сразу принялся размышлять, где бы достать апельсины. Говорят, если курицу запечь с апельсинами, она получается очень сочной, нежной... Ах!
Но даже самые смелые кулинарные эксперименты не могли заглушить настойчиво пульсирующую мысль: "Откуда? Откуда??"
Все разъяснилось на пятой курице. В этот день веерное отключение электроэнергии совпало с лабораторной работой, которую, понятное дело, при таких условиях проводить было невозможно. Поэтому студентов отпустили домой. Ушел пораньше и доцент. И пошел почему-то другой дорогой. Подходя к дому с другой стороны, он увидел небольшой ларек, в котором продавали кур: синих отечественных и югославских упакованных. А через заднюю дверь какой-то рыжий кот деловито вытаскивал югославскую (упакованную!) курицу.
Доцент сделал вид, что ничего не заметил...
В общем, перестройку мы пережили. Переживем и все остальное.

Редактор Евгений ГОЛУБОВСКИЙ. Коммерческий директор Леонид РУКМАН.

Рукописи не рецензируются и не возвращаются. Ответственность за точность сообщаемых фактов несут авторы. Взгляды редакции не всегда совпадают с точкой зрения авторов.

Дизайн и компьютерная верстка: компьютерный центр ТИА "Вікна-Одеса" (тел. 23-13-60).

Регистрационное свидетельство N 508. Тираж 1000. Заказ N _____. Газета отпечатана в типографии "СІЧ".

Адрес редакции: 65014, Одесса, ул. Маразлиевская, 7. Тел. 724-01-35. www.odessitclub.org.